

**ПИСЬМА М. А. МАЛЫХ К П. Н. АРИЯН.
ДНЕВНИК ЭРИКИ ЭДЕЛЬМАН 1929–1931 гг.**

(Публикация Ю. М. Валиевой, перевод Н. Л. Дмитриевой)

Публикуемые письма Марии Александровны Малых, адресованные Прасковье Наумовне Ариян, из личного фонда П. Н. Ариян (РО ИРЛИ, ф. 117), относятся к 1936–1942 гг.

Обе героини переписки получили высшее естественно-научное образование, посвятили себя издательской и литературной работе, общественной и просветительской деятельности, были увлечены народовольческими, а затем марксистскими идеями.

Прасковья Наумовна Ариян (урожд. Белинская 1865, Петербург–1944, Ташкент,) окончила физико-математическое отделение санкт-петербургских Высших женских курсов (Бестужевских), выпуск 1884 г. Ее имя связано с исследованием и организацией в России высшего технического образования для женщин, а также созданием в Петербурге общедоступного народного образования (яслей и школ). Ариян помогала Н. В. Стасовой в создании яслей «Детская помощь» для детей рабочих;¹ была основательницей санкт-петербургских Женских политехнических курсов (1905),² преподавание на которых велось на четырех факультетах: архитектурном, инженерно-строительном, элек-

¹ П. Н. Ариян работала в яслях «Детская помощь» более 10 лет, была членом правления и занималась с детьми старшего возраста (до 8 лет).

² Учебный план Курсов см.: РО ИРЛИ, ф. 117, № 19. Срок обучения на Курсах был пятилетний. В качестве образца были взяты программы Академии художеств, Института гражданских инженеров, Электротехнического и Технологического институтов. Уровень образования на Курсах должен был быть не ниже этих мужских технических учебных заведений, требования при поступлении были соответствующие. Первый выпуск санкт-петербургских женских политехнических курсов состоялся в 1912 г. Затем Курсы были преобразованы в Женский политехнический институт, устав утвержден в 1915 г. В 1918 г. преобразован во 2-й Петроградский политехнический институт с предоставлением своего здания на Васильевском острове (10-я линия, д. 3) и зачислением на госбюджет. В 1924 г. объединен с 1-м Петроградским политехническим институтом.

тромеханическом и химическом; работала в Русском женском взаимно-благотворительном обществе. В 1906 г. в Петербурге, за Нарвской заставой, организовала вечернюю школу для рабочих. Входила в «Кружок помощи заключенным Шлиссельбургской каторжной тюрьмы» (1907–1917).³

Литературная работа Ариян, началом которой она называла 1896 г.,⁴ тематически была непосредственно связана с ее деятельностью, – подготовленные ею сообщения по истории женского движения, сопоставительные обзоры устройства учебных заведений в России и в Европе, очерки о выдающихся женщинах своего времени печатались (в том числе под псевдонимом «Ар») в петербургских периодических изданиях:⁵ «Биржевых ведомостях», журналах «На помощь матерям», «Женское дело», «Игрушечка», «Вестник знания»,⁶ «Спутник здоровья», «Вестник благотворительности», «Искусство и жизнь», но главным своим детищем она считала издание «Первого женского календаря» (1899–1915),⁷ посвященного вопросам женского образования. Ос-

³ Подробнее см. ее автобиографию <1924?>: РО ИРЛИ, ф. 117, № 14.

⁴ Заявление П. Ариян о принятии ее во Всероссийский союз писателей <заявлено 13 авг. 1920 г.> // РО ИРЛИ, ф. 291, оп. 1, № 418, л. 9.

⁵ Отметим некоторые ее публикации: *Ариян П.* 1) Дневные убежища для грудных детей (ясли) // Спутник здоровья. 1899. 30 дек. № 60. С. 1090–1093; 2) Женщина в истории благотворительности в России // Вестник благотворительности. 1901. № 9. С. 40–53; 3) Юбилей Анны Павловны Философовой // Там же. № 5–6. С. 115–116; 4) Женский вопрос в 1915 г. // Вестник знания. 1916. № 1. С. 5–9; 5) Женский вопрос в Государственной Думе // Там же. № 2. С. 76–82; 6) Женщины – общественные деятельницы. Н. В. Стасова // Там же. № 5–6. С. 229–233; 7) Софья Александровна Давыдова // Там же. № 8–9. С. 363–368; Владимир Васильевич Стасов // Там же. 1917. № 1. С. 24–27.

⁶ В «Вестнике знания» П. Н. Ариян также принимала участие в подготовке «Женского отдела» журнала.

⁷ Первый женский календарь / [Сост. П. Н. Ариян]. СПб.: [1899]–[1915]. Выходил ежегодно. Носил характер общественно-публицистического и справочного издания. С 1914 г. имел подзаголовок: «справочная настольная книга для женщины (матери и учащейся)». Каждый выпуск открывался календарными сведениями на текущий год: по православному, римско-католическому, армяно-григорианскому, магометанскому, еврейскому, евангелическо-лютеранскому календарям; затем следовали сведения и справки о работе почты, музеев, женских убежищ, спресе и предложениях о работе, врачебной помощи. В следующем разделе помещалась информация о женском образовании, с перечнем учебных заведений, описанием программ обучения и правил приема. В ряде выпусков «Календаря» был раздел «Из прошлого и настоящего», в котором печатались некрологи, статьи о юбилеях, биографии. Из тематических материалов большое внимание кроме образования уделялось «правам и обязанностям женщины по русскому праву», медицине (в том числе первой помощи), педагогике и юридическим вопросам.

нову выпусков составили материалы ее разысканий в университетских архивах Швейцарии, Франции, Бельгии, Германии, а также личные впечатления о постановке обучения. Ариян побывала не только в Европе, но и совершила путешествие в Японию. В числе авторов «Календаря» были: В. В. Стасов, И. Е. Репин, А. В. Половцов, М. Горький, проф. В. М. Бехтерев, бывшие народовольцы Н. А. Морозов, В. Н. Фигнер, М. В. Новорусский и др.

Имя Марии Александровны Малых (1879, Иркутск–1967, Ленинград) связано прежде всего с организованным ею совместно с мужем, Иосифом Эдельманом, в 1901 г. в Петербурге издательством по выпуску общедоступной марксистской и естественно-научной литературы.⁸ Переводы многих текстов для публикации она осуществляла сама. Литературное творчество М. Малых в большинстве своем остается неопубликованным: стихи, рассказы, повесть «Письма женщин<ы>», пьесы «Цепи долой!», «На пороге борьбы», «Распад», «Становление», сценарий кинофильма для юношества «Деревяшки».⁹

Малых познакомилась с Ариян на Курсах Лесгафта,¹⁰ слушательницами которых они обе были. Малых окончила 8 классов гимназии

⁸ См.: Неполный каталог изданий Марии Малых. 1901–1909 гг. СПб., 1910. Обзор издательской деятельности содержится в статье: *Дун А. З.* Издательство Марии Малых // Книга. Исследования и материалы: Сб. М., 1962. Т. 6. С. 183–191.

⁹ Произведения М. А. Малых (рукописи и машинописи) хранятся в Центральном государственном архиве историко-политических документов Санкт-Петербурга (ЦГАИПД СПб., ф. 8921), а также в ее домашнем архиве.

¹⁰ *Лесгафт Петр Францевич* (1837–1909) – ученый, педагог. Основоположник теоретической анатомии, научных основ физического воспитания, поборник высшего женского образования в России. Открытые им в 1896 г. «Курсы для воспитательниц и руководительниц физического образования» относились к Санкт-Петербургскому Обществу физического развития; для поступления требовалось свидетельство об окончании среднего учебного заведения; стоимость обучения не превышала 30 руб. в год. Курсы располагались в Петербурге, на ул. Торговой, 25. «Лекции, читанные П. Ф. у себя на квартире, послужили зерном этих курсов, представляющих собой, в настоящее время, учебное заведение с широкой, почти университетской программой...», – писала Ариян в посвященном Лесгафту очерке «Первого женского календаря» (СПб., 1900. С. 354). В этом же выпуске «Календаря» была приведена программа Курсов. Среди изучаемых предметов были: основы анатомии, химии, механики, физиологии, гигиены, теории движений, история физического воспитания, а также практические занятия по физическим упражнениям и играм. В 1900 г. программа расширилась следующими дисциплинами: математика, физика, ботаника, зоология, минералогия, геология, психология. Продолжительность обучения с 1898 г. была 3-годичной. М. Малых полный курс не завершила. О педагогических методах Лесгафта и его научных взглядах см.: Памяти П. Ф. Лесгафта. К XXX-летию Научного института имени П. Ф. Лесгафта. М., 1924; Памяти Петра Францевича Лесгафта. СПб.: газ. «Школа и жизнь», 1912.

в Томске, в 1898 г. приехала в Петербург поступать в Санкт-петербургский Женский медицинский институт.¹¹ Она начала посещать Курсы Лесгафта в 1898–1899 гг., а продолжила в 1901 г. после годичного обучения в Цюрихском университете.¹² За время, проведенное за границей, ее планы посвятить себя медицине изменились: в Швейцарии Малых вступила в кружок «Карл Маркс», в Женеве состоялась ее встреча с Г. Плехановым, и, возвращаясь в Россию, она везла нелегальную литературу, задумав создать свое издательство для просвещения рабочих.

Обстоятельства, которые связывали этих двух женщин, были обусловлены жизнью революционного подполья в 1901–1913 гг. Ариян помогала распространять книги, изданные М. Малых. Некоторые подробности этого времени содержатся в справке об общественно-политической деятельности П. Н. Ариян, составленной Малых: «Она держала постоянную связь с подпольными кругами, и ее квартира служила всегда местом явок и приютом для нелегальных товарищей... В квартире ее нередко печатались на гектографе воззвания и прокламации для рабочих... С 1905 по 1909 г. (когда я была приговорена к крепости за мои издания социалистической литературы для рабочих и поэтому мое издание прекратилось) П. Н. Ариян получала от меня конфискованные у меня царским правительством мои издания и распространяла их уже нелегально среди рабочих фабрик и заводов, с которыми всегда имела связь...».¹³ В 1913–1914 гг., когда М. Малых вернулась из Швейцарии в Петербург, П. Н. Ариян помогала ей скрываться от полиции, поскольку, несмотря на объявленную в честь

¹¹ Женский медицинский институт открылся в 1897 г. (ныне – Первый Санкт-Петербургский государственный медицинский университет им. акад. И. П. Павлова). Малых не могла сразу поступить в число слушательниц из-за возраста, так как по условиям приема в институт принимали женщин не моложе 20 лет, кроме того, из необходимых документов на тот момент у нее не было свидетельства о сданном экзамене по латинскому языку и письменного разрешения родителей. Подробные условия приема содержались в «Первом женском календаре на 1900 год» (С. 174–177).

¹² В пользу обучения в Швейцарии говорили и налаженные условия проживания: «Жизнь в университетских городах Швейцарии гораздо дешевле, чем в Париже. В Женеве, Цюрихе и Берне существуют русские библиотеки, а в Женеве и Цюрихе – русские столовые. <...> Женщины могут обращаться за указаниями и сведениями в женское общество в Женеве <...>; кроме того, на всех вокзалах Швейцарии и во всех вагонах вывешен список адресов обществ попечения молодых девиц, с указанием мест, где члены комитета встречают приезжих на вокзале и куда за небольшую плату можно заехать» (Первый женский календарь на 1900 год. С. 245).

¹³ РО ИРЛИ, ф. 117, № 14, л. 9.

300-летия Дома Романовых литературно-политическую амнистию, у нее возникли проблемы с документами: «...про некоторые мои процессы “забыли” и потому их не ликвидировали, хотя статьи те же, что и по другим моим процессам. <...> Н. Д. [Соколов] сказал мне, что еще несколько дней нелегальщины и далее я могу уже официально объявиться и дать свой паспорт на пропуск. <...> Спасибо Вам сердечное, большое за то, что так усердно и долго укрывали меня от бдительного ока полиции. Ведь я прекрасно понимаю, что это было сопряжено с риском для Вас <...> Разорвите!».¹⁴

В 1926 г. П. Н. Ариян занималась организацией юбилея М. Малых, – 25-летия издательской деятельности. С этим связано наиболее раннее из представленных в РО ИРЛИ, ф. 117, писем М. Малых. Датированное 1926 г., оно¹⁵ содержит подробные сведения об истории издательства, с указанием состава книжных серий, значимых авторов, цен на книги, особенностей прохождения цензуры, судебных процессов. Указанные в нем сведения были приведены в биографической книге о Малых,¹⁶ поэтому в настоящей публикации его текст не дается.

Из пяти публикуемых нами писем четыре относятся к 1936–1940 гг. и написаны Малых во время нахождения на отдыхе. Они носят личный характер и говорят о близких, доверительных отношениях между корреспондентками. Из писем следует, что Ариян была посвящена в семейную трагедию М. Малых, касающуюся жизни ее детей – Бориса, Алека (Александра) и Эрики. В письмо к Ариян от 6 июня 1936 г. Малых вкладывает копию полученного ею письма от своего старшего сына, Бориса,¹⁷ приговоренного к 6 годам лишения свободы в ИТК (исправительно-трудовой колонии), оно нами также приводится.

Переписка продолжалась и во время войны. Последнее письмо из публикуемых датировано 25 янв. 1942 г., оно было отправлено из

¹⁴ Письмо М. А. Малых к П. Н. Ариян. 1914 г. // РГАЛИ, ф. 1018, оп.1, ед. хр. 149, л. 1–1 об.

¹⁵ РО ИРЛИ, ф. 117, № 62, л. 1–6. Авторизованная машинопись с пометами и подписью М. Малых. В письме упомянут адвокат Николай Дмитриевич Соколов, выступавший защитником на многих политических процессах, в том числе по делам М. Малых.

¹⁶ *Пострелова Т. А., Блинов А. С.* Мария Малых. Л., 1976.

¹⁷ Полное имя: *Борис Иосифович Малых* (1904–1943), старший сын М. А. Малых. Фамилия Бориса в документах и переписке в ряде случаев указывается по-разному, в зависимости от обстоятельств: Малых, Эдельман, Малых-Эдельман. Отчасти это связано с тем, что у Бориса не было метрики, поскольку Малых, согласно своим убеждениям, детей не крестила.

Горького, где Малых жила у сестер, к Ариян в блокадный Ленинград. В комментариях даются ответные письма, хранящиеся в ЦГАИПД СПб. (личный фонд М. Малых). Здесь также находятся письма П. Н. Ариян из Ташкента (1943–1944), написанные в течение последних двух лет ее жизни. Дорога из Ленинграда, откуда она эвакуировалась 8 апр. 1942 г., через Пятигорск в Ташкент истощила ее силы: «таящее Ладожское озеро – (наша машина начала застревать в жидкой ледяной массе и ее с трудом вытянули), бегств<о> из Пятигорска накануне входа гитлеровских орд, мучительны<е> странстви<я> по Кавказу, переез<д> через Каспий на палубе (открытой) танкера, когда нас заливало водой, и далее через пустыню в Ташкент».¹⁸ В письмах из Ташкента, где их семья испытывала сильную нужду, Ариян просит Малых похлопотать за нее. Среди других тем, которые обсуждаются в их переписке, – вопрос судьбы личного архива Малых. Мария Александровна спрашивает совета о том, кто мог бы стать ее душеприказчиком. Из контекста следует, что она видела в такой роли не архивиста, а писателя, способного сказать о ней и о ее поколении, и рассматривала возможные кандидатуры из ведущих европейских и советских авторов, в том числе и племянника Ариян Александра Владимировича Разумовского,¹⁹ чье имя в то время было у всех на слуху в связи с постановкой пьесы «Полководец Суворов», созданной в соавторстве

¹⁸ Из письма В. В. Разумовского М. Малых от 24 марта 1944 г. с сообщением о смерти П. Н. Ариян // ЦГАИПД СПб., ф. 8921, оп. 1, ед. хр. 291, л. 111 об. Аналогичное письмо В. В. Разумовского к Н. М. Чапыгиной (РО ИРЛИ, ф. 280, оп. 2, ед. хр. 55). П. Н. Ариян умерла 19 февр. 1944 г. в Ташкенте после перенесенного воспаления легких.

¹⁹ *Разумовский Александр Владимирович* (1907–1980), далее Саня – драматург, сценарист, прозаик. Родился в Петербурге. Учился на физико-математическом фак. Ленинградского университета (не окончил), затем на отделении кино Высших курсов искусствознания при Государственном институте истории искусств (ВКИ ГИИИ). Входил в группу «Левый фланг», а после ее преобразования в ОБЭРИУ представлял вместе с К. Минцем киносекицию группы. С конца 1920-х гг. Разумовский выступал как кинокритик и очеркист в периодических изданиях Ленинграда и Москвы. Во второй половине 1930-х гг. создал целый ряд сценариев биографических фильмов (об А. Попове, И. Кулибине, акад. И. Павлове, Н. Пржевальском и др.). В конце 1930-х–1950-е гг. Разумовский в соавторстве с И. Бахтеревым пишет пьесы исторического характера: «Полководец Суворов» (1938); «Русский генерал» (1944) и др. В 1964 г. в альманахе «День поэзии» были опубликованы их совместные с Бахтеревым воспоминания о Н. Олейникове, положившие начало возвращению творчества писателей обэриутского круга. Подробнее о нем см.: *Валиева Ю. М. А. В. Разумовский* // Литературный Санкт-Петербург. XX век: Энциклопедический словарь: В 3 т. СПб., 2015. Т. 3. С. 126–129.

с И. Бахтеревым, и фильмом «Повесть о русском изобретателе» («Союздетфильм», 1939–1940) об А. Попове, снятым по его сценарию. В ответ 12 мая 1943 г. Ариян писала:

«Моя милая, любимая Марья Александровна,

<...> Насчет Ваших материалов отлично понимаю. Я так одинока, еще больше, чем Вы. Я часто думала, что умру и кому передать частичку своей души, своих мыслей, чаяний, мечтаний, разочарований? Я себя писателем не считаю, а таких 13 на дюжину. Но всегда в сутол<ок>е жизни долго останавливаться не приходилось, теперь на склоне горы, на конце пути мне тоже жутко и Ваши мучения я понимаю. Мое резюме следующее: не пыталась бы я передать ни Фе<й>хтвангеру, ни Ромену Рол<л>ану, ни Цвейгу, хотя этому последнему больше, чем другим доверяю. Заметь, насколько у него по глубине различны вещи! Будто разные писатели дали. Эти писатели не понимают наши души, особенно наше поколение! Из наших писателей, из живых никого не вижу <...> Саня совсем для этого не способен, не подходящий человек, да и обстановка не подходящая. <...> От себя я скажу, что в душе нет понимания наших чувств. Что касается воспитания, то от нас это не зависит <...> Я бы стеснялась теперь кому-нибудь сказать, что несколько лет не ела сахара, потому что мужик страдает, голодает... Я бы на Вашем месте передала Наташе²⁰ и Вашей сестре Леле.²¹ Они Вас любят и, если понадобится, устроят, а почему Вы себя хороните? Сделайте все сами. <...> Ваша Ариян».²²

Стремление передать в надежные руки гигантский по объему издательский и личный архив было вызвано не только возрастом (Малых должно было исполниться в 1944 г. 65 лет, что воспринималось ею значимым рубежом), но и другими обстоятельствами. В 1937 г. бы-

²⁰ *Наташа* – Наталья Николаевна Ненюкова (1901–?), дочь сестры М. Малых Татьяны (в замуж. – Ненюковой). Актриса. Родилась на ст. Черное, Балахнинского уезда, Нижегородской губ. Училась в художественно-драматической студии «Синяя птица» (Москва), затем в Государственном академическом театральном училище при Александринском театре (Ленинград). С осени 1926 г. была принята «сезонной артисткой» студии Акдрамы (ЦГАЛИ СПб., ф. 259, оп. 2, ед. хр. 534; ф. 260, оп. 3, ед. хр. 2356). Выступала под псевдонимом Нардова. В Ленинграде жила у М. Малых на ул. Старорусской, 5.

²¹ *Лея* – Елена Александровна Кухтерина (урожд. Малых, 1874–1964), сестра М. Малых, с которой она была наиболее близка. Лея помогала Марии Александровне в издательских делах, подолгу жила у М. Малых в Ленинграде.

²² ЦГАИПД СПб., ф. 8921, оп. 1, ед. хр. 291, л. 64 об.–65 об. В тексте письма Марией Малых сделаны пометы: отдельные слова и абзацы выделены красным карандашом или подчеркнуты. Авторские подчеркивания сохранены.

ла арестована ее дочь Эрика,²³ но, несмотря на все запросы и имеющиеся у Малых партийные связи, она не смогла узнать ни причину ареста, ни ее дальнейшую судьбу. В 1938 г. – арестован брат Сергей,²⁴

²³ Полное имя: *Эрнестина Иосифовна Эдельман* (1910–1937). Фрагменты ее следственного дела опубликованы нами в составе статьи: *Валиева Ю. М.* К истории стихотворения И. Бахтерева «Тишайшая из писес» // Велимир Хлебников в новом тысячелетии. М.: ИМЛИ РАН, 2012. С. 280–305.

Дочь Эрики, Татьяна Александровна Пострелова (1931–2010), китаевед, канд. искусствоведения, специалист по китайской классической живописи, стала автором биографического очерка о М. А. Малых (созданного совместно с А. С. Блиновым, см. сноску 16). С историей своего издательства Малых начала знакомить внучку в письмах 1944 г. Вот фрагмент одного из них, написанного на уцелевшем бланке 1901 г. (в шапке: Санкт-Петербургская контора товарищества «Общественная польза» (Б. Подьяческая, 39), Издательство «Современной библиотеки». Издание Марии Малых): «Дорогая Танюшечка, перебирая мой литературный чемодан, я нашла среди бумаг этот старый, старый листок. Когда мы, я и твой дедушка, начинали нашу литературно-издательскую деятельность, у меня были такие бланки для писем. Как это давно было – более 40 лет тому назад – видишь стоит дата: 19__ г. – первую нашу книжку мы напечатали в 1901 году. Какое это было счастливое горячее время, с этого началась моя революционная деятельность. Как я была счастлива, как я гордилась, когда впервые увидела напечатанным свое имя – “Мария Малых”. Всегда с ранней юности мне хотелось быть “кем-то”, а не “ничем”. Ну вот я и решила послать тебе на память этот листок» (Кологрив, 5 янв. 1944 г. Домашний архив М. А. Малых). Мария Александровна в своих письмах не щадила свою 12-летнюю внучку:

«Дорогая моя любимая Танюшечка,

Только получила твое письмо; из него я вижу, что и твои письма ко мне и мои к тебе теряются. Это очень досадно. <...> За это время получила известие, которое причинило мне глубокое страдание: <...> мой старший сын Борис убит на Ленинградском фронте 14 января этого года; на все мои вопросы мне ни разу не ответили и только на последний уже из Кологрива сообщили о его смерти.

Бедный мой родной несчастный мальчик! Да, вот двое моих детей уже погибли – погибла моя любимая, любимая Эричка, твоя мама, погиб дорогой Борис...

Тяжелая кровавая рана от гибели моей Эрики никогда не заживает в моей груди, теперь она увеличилась еще смертью Бориса. Но в смерти Бориса есть и утешение – он пал смертью храбрых, защищая свою Родину, свой народ. Смерть их, павших борцов, приведет страну к полной победе над проклятым извергом, над чудовищем фашизмом. Вечная память и вечная слава им!..

Но в жестокой несправедливой гибели моей девочки нет никакого утешения. Только злорада одна в душе, только кипучее возмущение, только проклятия. Но... тяжело говорить об этом. Это всё всегда глубоко скрыто в самой глубине моей души» (7 нояб. 1943 г. Кологрив. Домашний архив М. Малых).

²⁴ *Сергей Александрович Малых* (1880–1938). Родился в Иркутске. После окончания Томского реального училища поступил в Томский технологический институт (не закончил). Мечтая стать лесничим, продолжил обучение в Санкт-Петербургском Лесном институте. В 1902–1903 гг. был активным участником студенческих демонстраций (в том числе в Петербурге, у Казанского собора, в марте 1902 г.; в Томске в 1903 г.).

посвятивший свою юность, как и Мария Александровна, революционной работе, и его дочь Людмила. П. Н. Ариян была одной из немногих, с кем Малых могла поделиться мыслями о происходящем.

Эрика родилась в 1910 г. в Цюрихе, где Малых находилась в вынужденной эмиграции. После возвращения матери в 1914 г. в Россию она воспитывалась в семье опекунов в Швейцарии и впервые приехала в Ленинград в 1925 г. Поскольку основным ее языком был французский, она проходила курс средней школы дома с изучением большинства предметов на французском языке и занималась русским языком. Через Ариян состоялось знакомство Эрики с кругом будущих обэриутов – сначала с Александром Разумовским, они с тетей жили в одной квартире²⁵ (празднование 16-летия Эрики в декабре 1926 г. отмечалось у них дома), а после его поступления в Институт истории искусств – с его друзьями Сергеем Цимбалом, Игорем Бахтеревым, Дойвбером Левиным (который в этот период жил у Разумовского), Даниилом Хармсом.²⁶ У Разумовского, на углу Невского и Литейного, проходили и репетиции выступлений обэриутов (в одной из комнат стоял рояль). В записях к воспоминаниям М. Малых о дочери это знакомство отнесено к 1927 г.: «У нее было много друзей, гл<авным>

В период с 1903 г. по 1916 г. за участие в революционном движении трижды отбывал ссылку в Якутской области, в Оренбургской губернии, в Енисейском крае. С 1916 г., после освобождения, жил в г. Енисейске. По словам дочери Валентины, был страстным коллекционером: собирал гербарии, минералы, монеты, почтовые марки, интересовался геологией, этнографией. Собранные им гербарии посылал на кафедру ботаники Ленинградского университета. В 1926 г. по приглашению М. Малых переехал с семьей в Ленинград, работал в издательстве «Прибой» (инструктором-контролером), затем в «Красной газете» (выдавал газеты киоскерам и разносчикам). В 1930–1935 гг. был сотрудником музея «Ясная Поляна» (сначала завхозом, затем экскурсоводом и научным сотрудником). С 1937 г. служил в областном архиве Семипалатинска, куда они с женой переехали к дочери Валентине. В марте 1938 г. Сергей Малых по доносу был арестован, погиб в заключении. Реабилитирован в 1956 г. «за отсутствием состава преступления». Почти одновременно с Сергеем была арестована его старшая дочь Людмила (как жена «врага народа»), семья которой также переехала в Семипалатинск. Людмила находилась в положении, ее дочь Надежда родилась в тюрьме. Она была отдана на воспитание бабушке и впервые увидела мать дома в 1946 г., когда та вернулась из Магаданских лагерей. Подробнее о С. А. Малых см.: *Малых В. С. Памяти детства // Жертвы политических репрессий Иркутской области: память и предупреждение будущему. Иркутск, 2002. Т. 5. С. 538–549.*

²⁵ Пр. Володарского (ныне – Литейный), д. 59, кв. 49.

²⁶ Д. Хармс упоминает имя Прасковьи Наумовны в записной книжке за 30 апр. 1929 г. – январь 1930 г. в связи со своими денежными долгами (*Хармс Д. Записные книжки. Дневник: В 2 кн. СПб., 2002. Кн. 1. С. 311, 341, 343*).

обр<азом> из молодежи, имеющей отношение к кино, театру, литературе, – это был кружок Сани Разумовского, племянника Параск. Наум. Ариан, моей большой приятельницы. Кружок их назывался как-то дико, кажется они были какими-то “абереутами”,²⁷ были крайне левыми в искусстве, в литературе».²⁸ В 1928 г., перед отъездом на учебу в Швейцарию, Эрика стала адресатом стихотворных посвящений Д. Хармса и И. Бахтерева.²⁹

Публикуемый дневник³⁰ Эрики охватывает период со 2 янв. 1929 г. по конец декабря 1931 г. Он был начат через месяц после ее отъезда из Ленинграда и задуман, скорее всего, по совету матери, как упражнение в письменном языке, поскольку Эрика высказывала желание стать писательницей. М. Малых поощряла стремления своих детей к литературному творчеству, формировала их круг чтения, знакомила и со своими литературными опытами, что ощутимо в ряде дневниковых записей и отмечено нами в комментариях. При всей наивности мыслей и плохом владении Эрикой как русским, так и французским языками дневник дает информацию о тех книгах, на которых она воспитывалась и что она читала в тот период.

Записи дневника сделаны в Швейцарии, а после возвращения Эрики из-за границы: в Баку, Ленинграде и на Дальнем Востоке. Первые три месяца она ведет записи по-французски, в апреле 1929 г. пробует понемногу писать по-русски, но основным языком дневниковых записей русский становится только весной 1930 г. Дневник ею перечитывался («Дневник приходит к концу. И в нем буд<ут> описаны два мо<их> красив<ых> роман<a>, те дн<и>, когда я была счастливая» (Запись от 13 нояб. 1930 г.)), но никаких исправлений не вносилось. Отметим и то, что Эрика давала прочесть дневник героям своих романов.

²⁷ Так в тексте.

²⁸ ЦГАИПД СПб., ф. 8921, оп. 1, ед. хр. 273, л. 21. Подробнее о знакомстве Эрики с обзриутами см.: *Валиева Ю. М.* К истории стихотворения И. Бахтерева «Тишайшая из пиес». С. 293–295, 298.

²⁹ Ей посвящены стихотворения И. Бахтерева «Тишайшая из пиес», Д. Хармса «Жизнь человека на ветру», «В Альбом Эрик» (последнее введено в научный оборот В. Н. Сажиним: *Сажин В. Н.* Новые поступления материалов Д. И. Хармса в Рукописный отдел Пушкинского Дома // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2011 год. СПб., 2012. С. 132–133).

³⁰ Блокнот без обложки, бумага белая с зеленым обрезом, 16 см × 14 см, 84 страницы. Записи сделаны на л. 2–80 об. Без пагинации. Черная перьевая ручка, отдельные страницы – карандаш.

Эрика Эдельман была арестована в начале октября 1937 г. Против нее было сфабриковано обвинение в том, что «она является участницей контрреволюционной организации» по ст. 58 п. 10 и п. 11. 14 дек. 1937 г. Эрика была расстреляна. Ее девичий дневник рассматривался как вещественное доказательство ее вины (на полях и в тексте имеются пометы следователя), хотя к делу он не был приобщен, поскольку французским языком ведущие следствие не владели и не смогли его полностью прочесть. Дневник хранился в архиве Управления ФСБ Санкт-Петербурга и Ленинградской области, в настоящее время – в домашнем архиве М. Малых, передан для публикации внучкой Эрики Натальей Георгиевной Беловой.

Основной сложностью при подготовке дневника к публикации стала не столько его двуязычность, сколько трудность его расшифровки и решение вопроса о нормативной правке. Для русскоязычных частей текста характерны огрехи, свойственные речи иностранца, как лексические, так и грамматические: ошибки в глагольном управлении, в падежных окончаниях, согласовании в роде, числе, написание слова на слух. Внесенная нами правка и коньектуры отмечены в тексте угловыми скобками. Поскольку знаки препинания в рукописи стоят произвольно или отсутствуют, то в ряде мест возможно двойное прочтение. Если однозначно решить вопрос о значении фразы невозможно, это оговаривается в сноске. Во французских частях дневника предположение наборщика текста и редактора о правильном варианте слова (грамматической формы) дается в квадратных скобках.

Дневник публикуется на языке оригинала, по современным нормам орфографии и пунктуации. Перевод с французского приводится непосредственно в тексте, после соответствующей записи. Перевод отдельных французских вставок дается в тексте в квадратных скобках. Место и дата написания дневниковых записей указываются единообразно, независимо от того, в какой форме (словами или цифрами) они были даны в оригинале.

Набор французского текста выполнен с рукописи Брониславой Штейнлухт, перевод – Н. Л. Дмитриевой, редактирование французского перевода – И. В. Потаповой.

Эпистолярное наследие М. А. Малых обширно, большая его часть хранится в ЦГАИПД СПб. в ее личном фонде, а также в домашнем архиве М. А. Малых. Ее переписка с П. Н. Ариян, помимо указанных архивохранилищ, представлена в Российском государственном архиве

литературы и искусства (РГАЛИ) и в Рукописном отделе Пушкинского Дома, в личных фондах П. Н. Ариян.

Публикуемые ниже письма М. А. Малых к П. Н. Ариян воспроизводятся по автографам из РО ИРЛИ (ф. 117). Пунктуация и орфография приведены в соответствии с современными нормами. Дата написания письма дается в правом верхнем углу независимо от того, где она находится в оригинале.

Письма Марии Александровны Малых к Прасковье Наумовне Ариян

1

6/VI36¹

Дорогая Парасковья Наумовна,

10-го с. м. мы уезжаем с Алеком² на Украину. Уже взяла билеты. До свидания! Не знаю только, как-то доедем, т<ак> к<ак> состояние Алека очень тяжелое. А у нас еще будет пересадка в Жлобине. Ну да как-нибудь доберемся.

Бориса отправили уже 29-го.³ Я получила от него большое, хорошее письмо, написанное в день отправки. Посылаю Вам копию его письма. Затем получила от него открытку уже с места. Он в 130 километр<ах> от Ленинграда. Ст. Косколово Окт<ябрьской> ж<елезной> д<ороги> Кингисеп<п>ский р-н, ИТК № 3.⁴ Значит, он в колонии, вероятно, на строит<ельстве> дороги. Пишет, что там прекрасно: лес, сухо, и он наслаждается воздухом.

Сегодня я очень устала: стирала. Стирать для меня пытка, и не умею, и терпеть не могу, и трудно. Но надо было сэкономить 15–20 руб. Денег на дорогу мало. Завтра иду в ломбард закладывать разные вещи.

Ну вот, дорогая, и все мои новости. Целую Вас крепко. Желаю получше поправиться. Пишите.

Ст. Сенча, УССР. Полтавщина. Черкащеньский сельсов<ет>. Хутор Байрак.

В. Г. Черкащенко для меня.

М. Малых

¹ РО ИРЛИ, ф. 117, № 62, л. 8–8 об. Рукопись, на тетрадном листе в клетку.

² *Алек* – Александр Иосифович Малых (1908 –1946), младший сын М. Малых, инвалид с детства после перенесенного энцефалита.

³ Сын Борис (Борис Иосифович Малых) родился в Берлине в 1904 г., в раннем детстве жил в России, затем в Швейцарии, где М. Малых находилась в вынужденной эмиграции. В 1914 г. вернулся с матерью в Россию. Учился в Псковском кадетском корпусе. В 1918 г. 14-летним подростком сбежал на фронт, присоединился к армии Колчака, затем перешел на сторону красных, служил под именем Николай Воронкин, воспользовавшись чужими документами. В 1927 г. в звании командира взвода подал заявление в партию. После присоединения их подразделения к войскам ОГПУ (Баку) решил легализоваться и впервые после 10 лет молчания написал матери. Партийные связи М. А. Малых, ее горячее заступничество за сына позволили ему легализоваться, избежав сурового наказания. В 1931 г., демобилизовавшись, Борис приехал с семьей в Ленинград, работал в коммерции. Не имея ни образования, ни опыта в этом деле, не раз попадал в сложные ситуации (в том числе под суд), из которых удавалось выйти только благодаря помощи матери.

Из переписки и дневников М. Малых следует, что Борис обладал литературным талантом и хотел связать свою жизнь с литературой. Во время Гражданской войны публиковался как журналист в дальневосточной прессе. Был принят по протекции матери на «литературное отделение университета» (возможно, имеется в виду Ленинградский гос. институт истории, философии и лингвистики, преобразованный в 1934 г. из Ленинградского историко-лингвистического института (ЛИЛИ), в нем было создан литературный фак.), но был отчислен после 2-й судимости. Сохранились его стихи 1940–1942 гг.

В письме идет речь об этапировании Бориса в ИТК (исправительно-трудовую колонию). В мае 1936 г. он был осужден по ст. 116-120 к 6 годам заключения.

⁴ Из писем Б. Малых к матери от 1940 г. следует, что он отбывал наказание в Кандалакше и в лагере выполнял работу заведующего плановым отделом. После реорганизации лагеря и смены начальства был направлен на общие работы. Объявил голодовку. После освобождения из заключения служил на Ленинградском фронте. Погиб в 1943 г.

[Письмо Бориса Малых к матери]¹

29 мая <1936>

Дорогая мама, еще раз громадное, большое спасибо за все то, что ты сделала для меня, и искреннее мое раскаяние за мучение, за все то, что я причинил тебе. Было бы смешно, если бы я сказал, что не придавал значения тому, что я делал, и не сознавал того, к чему это может привести – конечно, все я понимал и все же продолжал, раз начал. Думал, ужасался и отгонял от себя мысли. Оказался какой-то жалкой, абсолютно безвольной тряпкой. Чем это объяснить? Не знаю сам. Тем, что все-таки всегда и везде была какая-то неуверенность в себе, в своих силах. Казалось, что я в сущности ни на что не годен, ни с чем не

справлюсь (а в сущности ни на чем не пробовал силы). Сейчас, по-видимому, происходит переоценка ценностей. Является вера в силы, в возможность что-то сделать большое, что-то создать. Но, конечно, как поздно и в результате какого кошмара явилось это. Действительно, как жестоко и как глупо, бессмысленно я отошел от тебя – ведь шесть лет я в Ленинграде. Как много сил я мог получить от тебя, помимо всего прочего и даже может быть мог бы в свою очередь дать что-нибудь тебе. Но все прошло. Что же, дорогая, потом проанализируем, пойдем, а пока еще раз прости и обнадежь. Ведь правда, не все еще погибло и потеряно, ведь найдутся же силы, чтобы стать на большую литературную дорогу (другого не мыслится), ты поможешь. Время еще хватит, хватит у тебя еще и сил.

Понимаю, что нужны громадные силы перенести тебе все это, понимаю, что ты совершенно разбита, измучена, устала – нужен большой большой покой и отдых. Но ведь настанет же это, и хочется думать, что теперь уже скоро это настанет. Неважно, что я буду где-то – поведением, работой, учебой, где бы я ни был, я буду искупать свою вину и перед страной, и перед тобой. Пиши мне письма, пиши часто и помногу, я буду отвечать тебе так же, и это будет мое утешение и отрада. Трудно сказать, где я буду, я уже назначен на этап, если не сегодня, то завтра уеду, куда неизвестно, но, кажется, по некоторым данным, недалеко от Ленинграда. Это дает возможность быстрой и содержательной переписки, и очень большие надежды я возлагаю на нее. Ну, надо кончать. Думаю и верю, что ты понимаешь и веришь мне – очень скверно я себя чувствую. Но ты даже не упрекнула меня, только страдание и прежнюю дружбу прочел я в твоих глазах – благодарю тебя бесконечно, бесконечно. Когда ты говорила,² я опустил голову и плакал. Весь зал сочувствовал и понимал, тем более поймешь и понимаешь ты.

Алек. Как тяжело за него, скажи ему, что я глубоко сочувствую ему и прошу у него прощения за то, что причинил тебе, а следовательно, и ему. То же у Эрики.³ Потом напишу Алеку, сейчас не могу – тесно, душно, томит неизвестность. Парасковье Наумовне⁴ передай привет, скажи, что мне так же тяжело, что я не оправдал и ее доверие, и что я ей тоже очень благодарен за то, что она не отвернулась от меня, за ее любовь к тебе. Если она позволит, потом из лагеря я ей напишу. Привет, конечно, и тете Вере.⁵

Несколько слов о деле. Все я предоставляю твоему решению, но ужасно мучает вопрос, как вы будете с деньгами. Может быть, отка-

заться от кассации. Ведь деньги нужны на Алека. Чем скорее я уеду, тем в сущности лучше, хоть не буду я висеть у вас на шее с передачами. Уезжай и сама с Алеком теперь поскорее. Ньюша⁶ пусть тоже едет. Целую ее и Толю⁷ крепко, крепко.

Когда приеду в лагерь, напишу. Пока кончаю, т<ак> к<ак> тороплюсь написать Ньюше, не знаю, успею ли.

Целую крепко, крепко.

Борис

Прости еще раз.

¹ РО ИРЛИ, ф. 117, № 62, л. 9–9 об. Машинописная копия М. Малых. Вложена в письмо к П. Н. Ариян. Обращает на себя внимание «литературный» характер покаянного письма Бориса. М. Малых поощряла своих детей, а затем и внуков к овладению эпистолярным жанром, знакомя с образцами из классической литературы. Одним из ее собственных первых художественных сочинений была повесть (?) в письмах «Письма женщин<ы>» [б. д.], написанная под псевд. Мария Неверова (хранится в ЦГАИПД СПб., ф. 8921, оп. 1, № 136). При встрече с матерью в 1929 г., после многих лет разлуки, Борис подарил ей сборник стихов Иосифа Уткина «Лирика» (М.: Б-ка «Огонек», 1927) со своими пометами, надписями и фотографией. На с. 4, перед первым стихотворением Уткина, Борис записал карандашом строки из «Письма матери» С. Есенина, сопроводив их посланием:

«Вот слова, которыми болела душа и которыми я сам должен был сказать, но... Не было ни уменя, ни сил их выговорить. Но кем бы ни сказанные, они крик боли пусть Есенина, но и моей души. Прими же их так, как они есть, и душу мою <нрзб.>, какой она осталась <пронесенная?> сквозь годы нелепо-бессмысленной разлуки с тобой.

Борис

Баку, 14 / IX–1929» (ЦГАИПД СПб., ф. 8921, оп. 1, № 259).

М. Малых и сама при работе над текстом опиралась на примеры из классиков. Так, приступив к воспоминаниям о детстве, она выбрала для себя в качестве образца «Жизнь Арсеньева» И. Бунина. В ее черновиках сохранились выписки из Бунина с указанием страниц, на этой основе был составлен план ее воспоминаний, при этом на первом этапе наброски ее рассказа о семье были даны в сопоставлении с «Жизнью Арсеньева».

² Речь идет о выступлении М. А. Малых на суде. Имея большой опыт выступлений в суде в качестве подсудимой по политическим делам об издательской деятельности, Малых тщательно готовила речь в защиту сына (официально она проходила как свидетель). М. Малых всегда защищала своих детей, в том числе и перед собственными родственниками. Процесс над Борисом (третий с 1929 г.) был показательным. Судя по сохранившимся черновикам и наброскам, свое слово Малых построила на том, что она возлагает ответственность за проступки сына на саму себя, пожертвовавшую своими детьми ради дела революции: «1. Поглощена революционной работой – не имела время. Воспитывала рабочих <...> и не воспитывала детей. 2. Близких у детей не было, их не признавали ни мои, ни его родственники: “незаконные”, “не крещенные”. 3. Атеистка, лишила их “устаревшей морали” и только посеяла семена новой созн<ательной> морали, но не укрепила их, отсюда неуравновешенность, жадность». Следующим шел тезис о наследственности (со стороны отца) с отсылками к теории Ч. Ломброзо («Гениальность и помешательство»): «Видела

“гения” и не видела тяжело нервного больного. Истерия отца наложила свою печать на всех трех детей, все больные, неуравновешенные, без <...> волевых цензоров, восторжен, экзальтация, мечтательность, до мрачного пессимизма и гнетущей депрессии». Далее судьба сына была подана как череда жизненных сломов («Бегство по дороге. Героизм. 11 лет без семьи. Жажда семьи, ласки, любви. 1-й брак... <...> Смерть ребенка. <...> 2 судимости случайные, но тяжело отразившиеся на всем...»), в результате которых «рухнула последняя мечта...» (Домашний архив М. Малых).

³ Эрика – Эрнестина Иосифовна Эдельман (1910–1937), младшая сестра Бориса. См. о ней сн. 23 к вступ. ст.

⁴ Прасковья Наумовна Ариан.

⁵ Вера – Вера Александровна Тарасова (урожд. Малых) (1877–1957), сестра М. А. Малых.

⁶ Нюша – вторая жена Бориса, Анна Ивановна Кутына (1900–1990).

⁷ Толя – Анатолий Борисович Малых (1934–2012), сын Бориса от второго брака (с А. И. Кутыной).

2

20 / VI¹

Дорогая Парасковья Наумовна, вот уже 8 дней как я на Украине, на той опозитизированной Украине, «где из цветов плетет веночек Маруся, о старине поет слепой Грицко»,² где «ветерок степной ковыль колышет», в вишневых рощах тонут хутора. На той Украине, куда я с юных лет мечтала попасть. Вот я на хуторе: «вишневые рощи», с засохшими среди них грушевыми или старыми яблочными деревьями, заросли крапивой в человеческий рост. На эти «рощи» можно только издали посмотреть, но не зайти в них. «Слепые Грицко» все перемерли от голода в 33 г.³ – старых мужчин почти нет. В нашем хуторе 6 хат и только у нашей хозяйки муж жив, а то «всі чоловікі» умерли в 33 г. А все «Маруси» с раннего утра до позднего вечера в колхозе на работе и венки им плести некогда. Колхоз отнимает все время, и свое хозяйство, свои «садни» и огороды запущены и обрабатываются между делом.

¹ РО ИРЛИ, ф. 117, № 62, л. 11. Рукопись на двояном листе. Простой карандаш.

² М. Малых цитирует стихотворение А. К. Толстого «Ты знаешь край, где все обильем дышит...» (1840-е).

³ Имеется в виду массовый голод на Украине, Поволжье, Северном Кавказе и в др. районах СССР, к которому привели насильственная коллективизация, репрессивная кампания по сбору зерна в 1932–1933 гг.

Никак не могу ничего делать – ни читать, ни писать. Какая-то вся изморенная: то страшно печет солнце, то поднимается вихрь – не ветерок степной, который колышет ковыль, – а вихрь, который рвет деревья и пригоняет грозовые тучи.

Вот уже 12 дней я здесь и грозы ежедневные. Только один день был без дождя и грозы. И, вероятно, это сильно отражается на общем состоянии. Какая-то разбитость. Алеку за это время здесь стало значительно хуже. Страшно смотреть на него. Но, м<ожет> б<ыть>, мы освоимся с климатом и состояние улучшится.

Я часто вспоминаю Вас и завидую Вам и Вашим санаторным условиям. Чисто, вкусно, уютно, красиво. А я?! Вы одного дня не выдержали бы этих условий. Я их вынуждена переносить из-за Алека. Он никуда отсюда ехать не хочет. А условия такие: правда, у нас две комнатки, чисто выбеленных, пол глиняный, устланный свежей осокой. Но каждую ночь я снимаю с Алека и со своей кровати по 10–20 клопов. Когда под утро засыпаешь, то спать не дают мухи и дети, которые то входят, то выходят. Из колодца, из которого пьют воду, вместе с водой в ведре лягушка, то ящерица, то какой-нибудь мусор. Ведра, которыми черпают воду, ставят тут же у колодца, и из них же пьют и собака, и курица, и корова. Увы, вымя коровы почти не обмывается, а стойло такое грязное, что можно там утонуть. На кринки, горшки, миски лучше не смотреть.

И вот 12 дней я мучаюсь. Каждый глоток молока вызывает тошноту. Тошнит от всего. Тошнит от колодезной воды, тошнит от молока, от простокваши, от борща. Только яйца одни <остаются?> чистыми (но не яичница. Ее мне однажды поджарили на черепке, из которого потом дали есть собаке, так что яичницу я больше не ем), но ведь нельзя питаться только яйцами. А фруктов еще нет. Овощей тоже никаких нет.

Но хозяева и их дети прекрасные люди, очень мило относятся к нам, очень ласковы и внимательны к Алеку, и он не хочет никуда уезжать. Приходится терпеть. Чтобы побороть чувство тошноты, я купила вино и пью его – боясь стать алкоголиком. Последние дни стала питаться яблоками, которые падают с дерева. Они маленькие <i>кислые, но я их жарю на сковороде, они становятся мягкими и ем эту кислятину с сахаром.

Базар за 5 км. Последний раз я купила жирную молодую курицу живую за 6 р., 1 д. масла 4 р., яйца 2 р. 50 десяток, молоко 10 к. стан. Через неделю поспеют вишни – их здесь много – тогда будет хо-рошо.

Ну вот, дорогая, подробно написала Вам о себе.

Получили ли Вы мое письмо, которое я передала для Вас вашему швейцару с копией письма Бориса ко мне из колонии?

Пишите. Жду известий. Я очень надеюсь, что Вы хорошо попра-вились.

Целую крепко. М. Малых.

Ст. Сенча, Камышанск<ий> р-н. Черкащаны. Хутор Байрак. В. Г. Чер-кащенко для меня.

Конверт:

Проспект Володарского, 59, кв. 49 (уг. пр. 25 Окт.)

Прасковье Наумовне Ариан²

От М. Малых Ст. Сенча. Камышанск<ого> р-на, Черкащаны. Ху-тор Байрак

д. Вас. Гавр. Черкащенко

¹ РО ИРЛИ, ф. 117, № 62, л. 11 об.–13. На обороте предыдущего письма. Перьевая ручка.

² Фамилию «Ариан» в советское время писали и через «а», и через «я». Сама Прасковья Наумовна подписывалась «Ариан».

24 / I 1940. Сочи¹

Милая Парасковья Наумовна, хоть и с опозданием, но поздравляю Вас и всех ваших с Нов<ым> годом и всем вам от души желаю здоро-вья и счастья.

Почему я до сих пор не написала Вам? – Не хотелось огорчать Вас за меня:

Приехала я сюда 17/XII и до 18/I – т. е. целый месяц лил непре-рывный дождь, день и ночь. Иногда он сменялся сильным градом, а потом увенчался снегом и зимой с $t - 10^{\circ}$. За весь месяц было 5 дней, в которые проглядывало солнце, да еще 2 дня без солнца, но и без до-

жда. Значит, всего за месяц – 7 дней: хлестал дождь и град, свистел холодный резкий ветер, бурлило море. Черные тучи на небе и такое же черное или бурое море. Весело? Приятно?.. Ну вот и не писалось. Впрочем, все же я не могла жаловаться – у меня была отдельная комната, и я отдыхала от всех и от всего. Я была одна!

Целые дни я запоем читала. В день проглатывала по книге, а то и больше.

Какое наслаждение – читать!..

Мой срок лечения кончился еще 15 янв., но ввиду обострения <...> мне продолжили еще лечение до сегодня, т. е. 24 янв. И я очень рада, потому что с 18 янв. началась дивная погода: все эти дни, вот уже 7 дней, безоблачное небо, яркое, жаркое солнце, спокойное синее-голубое море. А какое вечерами изумительное звездное небо! Здесь совершенно особенно ярко блещут почему-то такие огромные звезды!.. Появляются первые подснежники, анемоны и крошечные горные цикламены. Огромные деревья мимозы стоят униженные золотыми бутонами. Сегодня я сорвала первую ветку распутившейся мимозы. Как она прекрасна! Это не цветы, а какая-то золотая воздушная мечта! Вот она на столе передо мною, и я не могу налюбоваться на нее! Каким-то восторгом она наполняет мою душу!.. Не странно ли, не глупо ли – в 61 год!..

Но если б Вы видели эту ветку. Как не похожи на нее, на ее нежные цветы-пушинки те помятые, скомканные ветки, которые я покупала в Москве и в Ленинграде. Но и те ведь всегда пленяли меня. Как же не восторгаться вот этой красотой, не смятой ни одним прикосновением!..

Возвращаться сейчас домой в такие морозы, какие стоят там у Вас (в Москве до 45°) в моем летнем пальто, в открытых туфлях и мелких галошах, конечно, невозможно. Ведь в Москве не только пересадка, но надо переехать довольно далеко, с Курского на наш вокзал.

И потому я решила остаться еще здесь на юге дней 10. М<ожет> б<ыть>, в это время схлынут морозы. Но на это время хочу поехать в Сухуми – там еще теплее. Я могу еще дня два (без питания) пробыть здесь и затем уеду в Сухуми. Там, между прочим, возле Сухуми были Н. А. и К. А. Морозовы,² не знаю, м<ожет> б<ыть>, уже уехали.

Я здесь очень окрепла <...>. Все эти дни принимаю воздушно-солнечные ванны.

Очень интересно, как Вы все там живете? Какие вообще новости? Если Вы ответите сразу, то я еще получу Ваше письмо. Или мне его

перешлют в Сухуми, или я его возьму при обратной поездке. Вещи мои я оставлю здесь в санатории, так что еще заеду сюда. Адрес: Сочи, Бзугу, санаторий ИКСО, мне.

Целую Вас. Всем Вашим сердечный привет и, конечно, особенно, Ваве.³

Люб<ящая> Вас М. Малых

¹ РО ИРЛИ, ф. 117, № 62, л. 14–15 об. Рукопись. Тетрадный лист в клетку, перьевая ручка.

² *Морозов Николай Александрович* (1854–1946) – народоволец, ученый-энциклопедист, писатель, почетный академик РАН. *Ксения Алексеевна Морозова* (урожд. Бориславская, 1880–1948) – переводчица, автор нескольких книг для детей, жена Н. А. Морозова. П. Н. Ариян, как и М. А. Малых, была лично знакома и в течение многих лет состояла в переписке с Н. А. Морозовым (письма хранятся в Архиве РАН, личный фонд Н. А. Морозова), дружили домами. Для издаваемого П. Н. Ариян «Женского календаря» Морозов написал ряд статей. В 1944 г. совместно с М. А. Шателеном, А. А. Горевым и др. – статью-некролог о деятельности П. Н. Ариян.

³ *Вава* – Владимир Владимирович Разумовский (1911–1981) – племянник П. Н. Ариян, младший сын ее сестры М. Н. Разумовской и В. А. Разумовского. Доктор химических наук (1950), специалист по органической химии. На момент переписки – профессор 2-го Ленинградского медицинского института (ныне Санкт-Петербургская государственная медицинская академия им. И. И. Мечникова). В послевоенное время работал в Ленинградском электротехническом институте связи им. М. А. Бонч-Бруевича (ЛЭИС, ныне – Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникаций им. проф. М. А. Бонч-Бруевича) на кафедре химии.

5

25 января 1942 г. Горький¹

Дорогая Парасковья Наумовна, с огромным опозданием только что получила Вашу открытку. Открытка от 12 декабря.² Прошло уже больше месяца. За это время положение вещей изменилось. Сейчас я послала Вам телеграмму, спрашивая Вас, остается ли в силе Ваше желание переехать в Горький – надо ли хлопотать о разрешении на въезд в Горький.

Вообще въезд в Горький не разрешен. Здесь квартир совершенно нет, все перегружено эвакуированными, особенно москвичами.

Как только я получила Вашу телеграмму, так я пошла все узнавать. Была в Облисполкоме в отделе эвакуации, была в Горисполкоме. Разрешение они мне дадут, я добьюсь его. Но я должна буду им дать гарантии, что у меня есть для Вас квартира. Если Вы сообщите, что хотите ехать, я буду искать квартиру.

Но Вы скорее мне об этом напишите.³ Но, конечно, на удобства и большое помещение рассчитывать нельзя. Здесь все эвакуированные ютятся кое-как. Цены здесь такие: мясо – 100 р. кило, свинина – 130–150 р.; молоко – 20 р. литр, картошка – 15 р. кило; масло (в частной продаже) – 200–230 р. кило. Хлеб по карточкам – 400 гр.– 500 гр.

Но это, кажется, всё существенное. Вы пишете: «не могли ли бы Вы помочь устроиться». Напишите в письме подробно, что Вы подразумеваете под словом «устроиться».

Вы знаете, что я для Вас всех всегда с радостью сделаю всё, что могу.

Удобств, конечно, тут никаких не будет, будут всякие стеснения. Но если надо спешно хоть как-то устроиться, если уже нет сил, то всё же как-то устрою.

Жду от Вас подробного определенного письма.

Сестра моя Таня,⁴ мать Наташи,⁵ умерла 19 декабря. Теперь заболела Леля,⁶ очень ослабла. Питаемся мы неважно. Денег не хватает.

Алек пока еще в Инв. Доме, но скоро возьму его домой.⁷

Из Ростова получила известие, которое меня успокоило, что Танюша⁸ моя, дочь Эрики, жива. А бедная <Стина>, дочь Бориса, в Мариуполе у немцев.⁹ Что-то с ней бедняжкой там!

От Бориса ничего не имею.

Не можете ли Вы как-нибудь узнать, цел ли наш дом, цела ли моя квартира, мои вещи? Я ничего не знаю.

Пишите же скорее. Целую Вас.

Сердечный привет Ваве, Мар<ии> Наум<овне> и Вл. А.

Мария Малых

Конверт:

Заказное

Ленинград

Пр. Володарского 59 кв. 49

Парасковье Наумовне Ариан

От М. А. Малых

Горький, ул. Воровского

¹ РО ИРЛИ, ф. 117, № 62, л. 16–17 об. Рукопись. Вытянутая узкая бумага, перьяе-вая ручка.

² П. Н. Ариян писала М. Малых из блокадного Ленинграда в Горький, где та жила у сестер Татьяны и Елены.

Почтовая карточка от 12 дек. 1941 г.:

«Милая Марья Александровна,

могли бы Вы помочь устроиться в Горьком нашему семейству, т. е. мне, Ваве, Марье Наумовне и Владимиру Александровичу? Дайте немедленно телеграмму, расхо-ды с благодарностью возмещу. Послала недавно Вам открытку не вполне оплаченную, не было под рукой марки и хотела скорее послать, не ругайте меня.

Шлем Вам все привет

Ваша <Подпись>> (ЦГАИПД СПб., ф. 8921, оп. 1, ед. хр. 291, л. 5).

В почтовой карточке и в следующих письмах Ариян упомянуты:

Мария Наумовна Разумовская (урожд. Белинская, 1875–1951) – сестра П. Н. Ари-ян, зубной врач;

Владимир Александрович Разумовский (1877–1942) – муж Марии Наумовны, б. коллежский секретарь, юрист;

Александр Владимирович Разумовский (Саня) – их старший сын, драматург, сце-нарист, прозаик, в 1942–1944 гг. вместе с И. Бахтеревым работал над пьесой «Русский генерал» о войне 1914–1916 гг. (см. о нем сноску 19 к вступ. ст.);

Вава – Владимир Владимирович Разумовский, их младший сын (см. о нем сн. 3 к п. 4). П. Н. Ариян и Разумовские жили в Ленинграде на углу пр. Володарского (ныне Литейный пр.) и пр. 25-го Октября (ныне Невский пр.). Здесь же располагался лечеб-ный кабинет Марии Наумовны. Адрес в письмах: пр. Володарского, д. 59, кв. 49. В справочной книге «Весь Ленинград» адрес чаще давался: пр. 25 Октября, д. 76.

³ Ответное письмо от П. Н. Ариян к М. А. Малых от 22 февр. 1942 г.:

«Милая Мария Александровна,

Большое Вам спасибо за длинное и сердечное письмо. Впервые узнала, как жи-вут в Горьком, хотя приблизительно догадывалась. Цены у Вас так же аховые. У нас кроме бомбежек, обстрелов был страшный голод. Теперь стало немного лучше, стали выдавать понемногу из кооперативов. Норма хлеба также увеличена, я получала, напр., 125 гр. в день, теперь после нескольких прибавок получаю 400 гр., и мне, представьте, и этого мало. Стали выдавать и крупы. Здоровье у нас у всех пошатнулось, слава Богу, что остались живы, а вот Владимир Александрович у нас погиб. Он скончался 4-го февраля и через 5 дней удалось его похоронить, что считается большим достиже-нием, так как лежат покойники долго и индивидуально удаётся редко похоронить. У нас устроил Вава и с большими трудностями, достал гроб и дроги, но самому туда и обратно пришлось идти пешком, так как трамвай, как и электричество, не действует. Похоронили на Волковом кладбище на лютеранской половине. Писала я Вам в минуту отчаяния, заранее зная, что и добраться трудно, да и как и чем жить в Горьком. Не получая телеграфного ответа, считала, что письмо мое не дошло. Наши дела начали налаживаться. Институт, где работает Вава, эвакуируется и мы уезжаем в марте, пока еще толком не знаю куда и когда. Как только выяснится, сообщу Вам, а пока сердеч-ный привет от всех наших, а от меня крепкий поцелуй.

Ваша <Подпись>

26 февраля 1942 г. письмо залежалось у меня, потом была оказия послать с одним профессором, который хотел послать наши письма из Вологды. Оказия не состоялась <...> <чрзб.> Что касается эвакуации Института, где работает Вава, то у [них] семь пятниц на неделе, и мы все еще не знаем, остаемся ли мы на месте или поедем. Мы тут пострадали порядком, половина нашей квартиры (столовая, спальня Марьи Наумовны, Санина комната и жилищки) вышла из строя. Попала фугасная бомба и пострадал во дворе флигель и много квартир, в том числе и наша, со стороны двора. Попадали и другого сорта бомбы и, слава Богу, остались живы, а вот от голода погиб Владимир Александрович, да и мы еще находимся на грани. На пайке жить нельзя, а покупать очень трудно, да и возможностей таких у нас нет. Чтобы спасти Вл<адимира> Алекс<андровича>, мы делали героические усилия, потом удалось достать кило масла за 1400 р. и 1500 р., но уже было поздно, и спасти его не удалось. Марья Наумовна, конечно, не практикует, а Вава не так много зарабатывает, да и вычеты очень большие, не так много приносит домой, а мое положение финансовое и моральное очень тяжелое. Вы сами понимаете, что значит моя пенсия. Наша семья увеличилась, у нас живет приятельница Вавы, которая помогает нам при наших тяжелых обстоятельствах. Воду приходится приносить то с Троицкой ул., то с Жуковской, в нашем доме редко бывает вода в низких этажах. Уборная не действует, грязную воду тоже надо выносить, словом, по всем линиям хорошо. Мебель мы почти всю раскололи на дрова, ибо на рынке дрова можно получить или за хлеб, или за деньги, что труднее, не дешевле 150 р. за мешок, и вот топим мебелью на сколько хватает. Очень плохо, что я не получаю даже хлебной карточки I-ой категории, о нас совсем забыли <...>. Насчет Вашей квартиры ничего не знаю, разбомблены многие дома в Вашем квартале. Мы наши книги тоже сжигаем вместо дров. <...> Особенно тяжело я чувствую себя и нередко желала себе смерти. Но умереть теперь это такая мука для окружающих, что и это жутко. Саня находится в Ташкенте, рвется всей душой помочь нам, но это как на том свете. Сегодня получили телеграмму, посланную 10 октября, а вчера 5 телеграмм сразу за столь же отдаленные сроки <...>.

Целую вас крепко

Ваша (Подпись)

<...>

3 марта 1942 г. оказия оказалась сегодня и направляю к Вам свое письмо» (ЦГА-ИПД СПб., ф. 8921, оп. 1, ед. хр. 291, л. 6–8).

В письме упомянуты улицы в Ленинграде: Жуковская – ул. Жуковского, Троицкая – с 1929 г. переименована в ул. Рубинштейна.

П. Н. Ариян, М. Н. Разумовская и В. В. Разумовский эвакуировались из Ленинграда 8 апр. 1942 г., сначала в Пятигорск, затем в Ташкент, где находился в связи с постановкой пьесы «Полководец Суворов» А. В. Разумовский. П. Н. Ариян умерла в Ташкенте 19 февр. 1944 г. после перенесенного воспаления легких.

⁴ Сестра моя Таня – *Татьяна Александровна Ненюкова* (урожд. Малых, 1870–1941), сестра М. А. Малых. После замужества жила в Нижнем Новгороде. В воспоминаниях о детстве М. Малых писала: «У старших двух сестер были гувернантки, которые учили языкам и музыке. <...> В театре у нас всегда была “своя” абонированная ложа. <...> Моя старшая сестра Таня прекрасно играла на рояле. Шопен и Бетховен были ее любимыми композиторами. Под звуки их меня, еще маленькую девочку, укладывали в 9 ч. спать, а я долго-долго лежала не засыпая, вся охваченная зарчававшим меня потоком сказочно прекрасных звуков» («Я родилась в Иркутске...») [Фрагмент воспоминаний] Б. д. Блокнот без обложки, перьевая ручка. Домашний архив М. Малых. О роде Ненюковых см.: *Ненюков С. Встречи сквозь века.* Новосибирск, 2005.

⁵ *Наташа* – Наталья Николаевна Ненюкова, дочь Т. А. Ненюковой. См. о ней в сн. 20 к вступ. ст.

⁶ *Лея* – Елена Александровна Кухтерина (урожд. Малых), сестра М. А. Малых. См. о ней в сн. 21 к вступ. ст.

⁷ Алек находился в Инвалидном доме в селе Понетаевка Горьковской обл. В силу тяжести его состояния и трудности с продовольствием в Горьком Малых с лета 1942 г. (?) живет там же, помогая ухаживать за постояльцами. В июле 1943 г. Мария Малых, ее сестра Елена с дочерью Наташей из Горького переехали в г. Кологрив (Горьковской обл.), так как в их дом в Горьком попала фугасная бомба.

⁸ *Танюша* – Татьяна Александровна Пострелова, внучка М. А. Малых, дочь Эрики Эдельман и Александра Алексеевича Пострелова. См. сн. 23 к вступ. ст.

⁹ О дальнейшей судьбе Стины Малых писала внучке Тане: «...У меня, Танюша, большая радость: я получила письмо от моей старшей внучки Стиночки, дочери моего сына Бориса. Слава Богу, она жива и немцы не угнали ее в рабство в Германию. Ведь она два года жила в Мариуполе, оккупированном немцами. Я всегда так боялась, так мучилась при мысли, что они убили ее, или искалечили, или угнали к себе в рабство. <...> Тебе, наверное, интересно прочесть ее письмо – я перепишу его и пришлю тебе. <...>» Б. д. <1943> (Домашний архив М. А. Малых). Стинкой звали и умершую в младенчестве дочь Марии Малых, родившуюся в 1908 г.

Эрика Эдельман. Дневник 1929 г.

Morges,¹ le 2 janvier 1929

C'est drôle il y a juste un mois que j'ai quitté la Russie.² Combien de nouvelles émotions combien de nouveaux chagrins ou les anciens s'<нрзб.> déjà dans le loin. J'oubliai presque toutes mes souffrances. J'étais venue pour ça et très rarement je pense à ces jours pleins de malheurs passés dans un pays mais maintenant malgré moi je suis de nouveau rapportée labas [là-bas] depuis deux jours. J'ai pleuré hier tout le soir. J'avais denouveau [de nouveau] si mal et ce mal physique fait naître le mal moral. J'étais avec Jacqueline et Paulet près de la Morges. Je me sentais triste si triste et lorsque Paulet m'a embrassé<е> je sentis comme j'avais envie de pleurer sous ses caresses.

ПЕРЕВОД:

Морж, 2 января 1929

Странно, прошел ровно месяц, как я покинула Россию. Сколько новых переживаний, сколько новых огорчений, или старые уже [не кажутся издали такими страшными?]. Я почти забыла свои страдания. Я приехала из-за этого, а очень редко думаю о тех днях, полных бед в том краю, но сейчас против воли вот уже два дня я снова мысленно возвращаюсь туда. Я проплакала вчера весь вечер. Мне опять было так больно, и эта физическая боль пробудила моральную боль. Я была с Жаклин и Поле вблизи Моржа. Мне было тоскливо, так тоскливо, и когда Поле меня обнял, я почувствовала, как мне хочется расплакаться от его ласки.

Le 3 janvier

J'ai été au bal de la Jeune Helvétie.³ Je me sentais triste et très faible. Je pensais à Paulet, c'est bête je ne devrais pas sortir avec<.> Lorsque je suis arrivée il était là. Mais j'avais envie de pleurer. J'aurais aimé à être dans les bras de quelqu'un<,> qu'il me serre et embrasse et tout d'un coup sans rien dire à personne je suis partie<.> «Me tuer<»> cette pensée me poursuivait sans cesse et cette pensée me fessait [faisait] tellement pitié que je me sentais pleurer. Mon Dieu quelle indifférence pour tout ce monde qui dansait<,> riait en bas à mes pieds. J'aurais aimé à entendre tout d'un coup le cri «Feu, feu» et voir l'épouvante de tous ces hommes alors j'aurais ri<,> ça m'aurait rendue joyeuse.

Paulet est venu vers moi il est très gentil. Mais il me semblait qu'il devait s'ennuyer avec moi car je suis si drôle<,> incompréhensible<,> je pleure quand les autres rient. Lorsqu'il m'a dit qu'il serrait [serait] avec moi tout le temps j'étais heureuse, heureuse dans ces moments-là je n'aurais rien pu refuser.

Mais lorsqu'il m'a raccompagnée il ne me plaisait plus<.> Je sentais comme il m'était indifférent lorsque dans le corridor il m'embrassait et lorsque ses instincts se sont réveillés en lui. Je voulais le retenir seulement pour savoir combien il restera comme avec René. S'il savait ça <ça><!> Il pense que j'ai un béguin fou pour lui.

Les hommes lorsqu'ils voient dans la femme <(dans moi)> seulement un être capable de calmer leur passions tombent à mes yeux avec une vitesse incroyable<.>

ПЕРЕВОД:

3 января

Я была на балу Молодой Швейцарии. Мне было грустно, я чувствовала себя очень слабой. Я думала о Поле, это глупо, мне не следовало бы выезжать в свет<?>, когда я пришла, он был там. А мне хотелось плакать. Я бы хотела, чтобы кто-то обнял меня, прижал к себе, поцеловал, и я, никому ничего не сказав, внезапно уехала. «Покончить с собой» – эта мысль все время преследовала меня, и эта мысль вызвала у меня такую жалость, что я чувствовала, что плачу. Боже мой, как мне были безразличны все эти люди, танцевавшие и смеявшиеся внизу у моих ног. Я бы хотела, чтобы вдруг раздался крик «Пожар, пожар», и увидеть ужас всех этих людей, тогда я бы рассмеялась, это бы развеселило меня.

Поле подошел ко мне, он очень мил. Но мне казалось, что ему скучно со мной, потому что я странная, непонятная, плачу, когда другие смеются. Когда он мне сказал, что будет со мной все время, я была счастлива, счастлива, в такие моменты я бы ни в чем не могла ему отказать. Но когда он стал меня провожать, он мне перестал нравиться. Я чувствовала, как он мне безразличен, когда в коридоре он стал меня целовать и инстинкты проснулись в нем. Я хотела удержать его, только чтобы узнать, как долго он останется, как с Рене. Если б он это знал! Он думает, что я безумно им увлечена.

Мужчины, когда они видят в женщине (во мне) только лишь существо, способное утолить их страсть, падают в моих глазах мгновенно.

Le 8 février 1929

Mon Dieu comme c'est bête<,> je me sens malheureuse ici<.> Les gens sont un peu fou avec leur esprit de мещанин⁴ leurs cancans abominables puis cette pensée continuelle de vivre chez des étrangers qui vous entretiennent on ne c'est [sait] pourquoi. Je me sens bien seulement à mes cours où je vais chaque jour. Si j'avais au moins de l'argent. Mon américain est parti hier. J'étais triste de le voir partir car je sentais qu'il m'aimait et c'est si bon de sentir de l'affection autour de soi. J'en ai tant besoin. Je lui ai dit lorsque nous étions assis au Central que sous peu je me tuerais. Je vois toujours les roues du train me passer par dessus, je me sens presque heureuse<,> elles ont l'air si lourdes<.>

ПЕРЕВОД:

8 февраля 1929

Боже мой, как глупо, я чувствую себя несчастной здесь. Неумные люди со своими мещанскими взглядами, гнусными сплетнями, потом – постоянная мысль, что живешь у чужих, которые содержат вас неизвестно почему.⁵ Я чувствую себя хорошо только на курсах,⁶ куда хожу каждый день. Если б у меня только были деньги! Мой американец вчера уехал. Мне было грустно, что он уезжает, потому что я чувствовала, что он меня любит, а так приятно чувствовать любовь, которая тебя окружает. Я в ней так нуждаюсь. Я ему сказала, когда мы сидели на Центральном <вокзале>, что еще немного, и я покончу с собой. Я постоянно вижу, как меня переезжают колеса поезда, и чувствую себя почти счастливой. Они кажутся такими тяжелыми.

3 апреля 1929

Но вот я в Швейцарии. Безумно ненавижу эт<у> стран<у> и еще больше люд<ей>. Вот уже три месяц<а>, как я уехала, но так много переж<ила> за это короткое время, что мне кажется, что я уже 3 года как поки<ну>ла Росси<ю>. Там остались мои друз<ь>-я верные, кот<орые> любят меня. Опять тот же вопрос. Счас<т>ливая ли я? Конечно, нет. Я прекрасно чувствую, что все не то, и мне <нрзб.>, но сейчас страшно, но я абсолютно ничего не желаю. Мне все так безразлично, все, что может быть со мной. Это чувство нач<а>лось уже в Ленинград<е>, когда почувствовала, что больше не люблю Эмм<у>.⁷ У меня больше не осталось надежды ни на что. Не верю ни <во что>. Кого я люблю? Что я хочу делать? <Ничего> не знаю.

Конечно, у меня сейчас есть Вилли,⁸ кот<орый> очень любит меня, хочет на м<не> жениться. <...> М<еня> хотят выгнать из Швейцарии,⁹ но это меня н<и>сколько не <пугает>. Так безразлично, что будет. Може<т>, <мне> <...> уехать в Пари<ж> и там все, все забыть в вин<е>. Я сейчас так мало пью, но когда я пью, я сразу чувствую разницу, и я веселая тогда. Зачем так продолжать страдать<?>. Вилли хочет уехать в Африку со мной, но я не хочу выходить замуж за него, зачем? Но он иначе не хочет.

Lausanne, le 10 mai 1929

Willy,

Tu ne peux t'imaginer comme je me sens bien maintenant<.>

Mon Dieu si tu savais mais jamais tu ne dois lire ces lignes car la dedans [là-dedans] est enfermé mon secret<,> le secret<,> le but de ma vie<,> il est formidable. Personne le comprend, pour moi il est immense mais peut être égoïste mais j'ai un but et je dois y arriver alors je travaille pour ça. Maintenant je suis denouveau [de nouveau] dans ma chambre en Russie. C'est là que je suis née. C'est à dire que mon génie est né<.>

Willy<,> j'adore ma chambre<,> j'y est [ai] passé des moments inoubliables<.> J'aime mes livres<,> je les ai aimé<s> plus que tout<,> pour moi c'était ma plus merveilleuse richesse<.> J'avais les tableaux, les murs en étaient couverts comme une galerie<,> ma chambre pour moi était un sanctuaire sacré et jamais une jeune fille n'a put [pu] y pénétrer [pénétrer]. L'air était imprégné de mes pensées<,> je connaissais chaque mouvement<,> chaque onde qui passaient et qui m'apportaient des pensées nouvelles. Dans cette chambre j'ai vu des choses merveilleuse<s><,> des tableaux<,> des scenes [scènes] qui se déroulaient dans un monde d'esprit il n'y avait personne<,> pas un être et il me semblait que j'allais conquérir le monde<,> le grand secret de l'Univers<.> Mais j'étais encore trop faible et une simple chose me repoussait à la réalité<.> Ces esprits ne m'ont pas laissé pénétrer dans leur enseinte mystérieuse et toujours je retombais dans la cruelle réalité, rien comprendre<,> être de nouveau un simple homme. J'aimais ma chambre car là j'ai découvert quand moi [qu'en moi] il y avait deux personnes même plus. Une c'était la douleur, un pessimiste profond, la complète ignorance de tout<,> alors j'évoquais la vie des héros de Dostoevsky<,> leur vie de perpétuelle souffrance morale<,> d'une souffrance atroce. L'autre c'était le génie, la folie, des découvertes des pensées qui me boul<e>versaient complètement alors c'était une vie merveilleuse<.> Je

sentais m'évader [s'évader] ma conscience et renaître une autre mais jamais je n'ai pu la retenir<,> j'étais trop faible. Willy<,> c'était fou<,> jamais je n'ai parlé de ça à personne<.> Personne ne me croirait mais la seule qui croit en mon génie c'est ma mère. Je la respect<e> infiniment<,> jamais ne [je] n'admettrai une parole prononcée contre elle car elle m'a compris [compris] mieux que toutes autres personnes. Elle me donnait que très très rarement raison, car elle est optimiste<.> Moi je suis pessimiste et toujours une muraille nous as [a] séparé<s><.> Jamais je n'aurai franchi cette muraille et ma mère de même<.> Et je suis partie de la maison mais j'y retournerai.

Lorsque je t'ai rencontré j'ai senti que mon génie se perdait et que seule la douleur resterait mais j'étais contente car je le voulais, au contraire en Russie ma mère m'encourageait<.> J'ai déjà écrit [écrit], beaucoup écrit [écrit] et pour ma mère j'étais la jeune fille la plus intelligente et j'étais supérieure à tous. Je n'avais qu'à dire un mot qu'à jeter [jeter] un regard et j'arrivais toujours à ce que je voulais, mais j'ai voulu connaître, rencontrer une personne plus forte que moi<.> Mais pour ça je devais m'abaisser, devenir faible c'est à dire fermer les yeux et me laisser dominer, perdre ma force mais pour quelque temps seulement car le jour où je me dirai «Renaiss» alors je reviendrai forte même encore plus.

Willy<,> des fois je pleure et tu me demandes pourquoi mais jamais tu ne le sauras<.> Je pleure parce que c'est trop difficile de se sentir faible<,> je pleure par pitié<.> Jamais je n'ai une minute où je ne pleure pas. Souvent lorsqu'on me parle je ne comprends pas<,> je ne fais pas attention<,> je pense seulement à mon rôle et je t'assure que c'est horriblement difficile d'être faible comme pour les autres d'être fort, et ça me fait sourire lorsque j'entends des gens dirent [dire] que je suis faible mais si une seule personne savait, pouvait comprendre mes pensées il ouvrirait des grands yeux<,> il serait émerveillé de ma force.

Willy<,> toi<,> tu ne me comprendras jamais car tu ne me connais absolument pas, et je ne veux pas que tu saches jamais et lorsque je disparaîtrai de ta vie je te laisserai une impression très étrange tu ne pourras jamais m'oublier.

ПЕРЕВОД:

Лозанна, 10 мая 1929

Вилли,

Ты не можешь себе представить, как хорошо я себя сейчас чувствую.

Боже мой, если бы ты знал, но ты никогда не должен увидеть эти строки, потому что в них скрыт мой секрет, секрет, цель моей жизни, он – потрясающий. Никто не понимает, для меня он огромен, хотя, может быть, эгоистичен, но у меня есть цель, и я должна ее достичь, я работаю для этого. Теперь я снова в своей комнате в России. Там я родилась. То есть там родилось мое дарование.

Вилли, я обожаю свою комнату,¹⁰ там я прожила незабываемые мгновения. Я люблю мои книги. Я любила их больше всего, для меня – это мое самое сказочное богатство. У меня были картины, стены были ими покрыты как в галерее, моя комната для меня была священным храмом, и никогда никакая девушка не входила туда. Воздух был насыщен моими мыслями, я знала каждое движение, каждую пробежавшую волну, приносящую мне новые мысли. В этой комнате я видела чудесные вещи, картины, сцены, которые разворачивались, в мире разума не было никого, ни одного живого существа, и мне казалось, что я покорю мир, проникну в главную тайну мироздания. Но я была еще слишком слаба, и простая вещь возвращала меня к реальности. Духи разума не позволили мне проникнуть за их таинственную ограду, и я постоянно возвращалась в жестокую действительность – ничего не понимать, снова быть простым человеком. Я любила мою комнату, потому что там я открыла, что во мне содержатся две личности и даже больше. Одна – это страдание, глубокий пессимист, полное незнание всего, и тут я вспоминала жизнь героев Достоевского, их жизнь, полную постоянного морального страдания, жестокого страдания. Вторая – гений, безумство, открытия мыслей, которые меня потрясли до глубины души. Это была чудесная жизнь, я чувствовала, как мое сознание покидало меня и возрождалось новое, но никогда я не могла его удержать, я была слишком слаба. Вилли, это было безумие, никогда я никому об этом не рассказывала. Никто бы мне не поверил, единственный, кто верит в мой талант, – моя мать. Я бесконечно уважаю ее, никогда я не допущу, чтобы против нее было сказано хоть одно слово, потому что она понимала меня лучше, чем все другие. Она соглашалась со мной очень редко, потому что она – оптимист, а я пессимист, и всегда между нами была стена, я никогда бы не преодолела эту стену, так же как и моя мать. И я ушла из дома, но я туда вернусь.

Когда я тебя встретила, я почувствовала, что теряю талант и со мной останется только страдание, но я была рада, потому что я этого хотела. В России моя мать, напротив, меня поддерживала. Я уже мно-

го написала, и для моей матери я была самой умной, я была лучше всех. Мне было достаточно сказать слово, бросить взгляд, и я добивалась того, чего хотела. Но мне захотелось познакомиться, встретить человека сильнее меня, но для этого мне нужно было склониться, стать слабой, иначе говоря, закрыть глаза и позволить взять надо мной верх, потерять свою силу, но только на время, так как в тот день, когда я скажу себе «Возродись», я вернусь даже сильнее, чем была.

Вилли, иногда я плачу, а ты меня спрашиваешь, почему, но никогда ты этого не узнаешь. Я плачу, потому что слишком трудно чувствовать себя слабой, я плачу из жалости. Нет ни одной минуты, когда бы я не плакала. Часто, когда со мной говорят, я не понимаю, не обращаю внимания, я только думаю о своей роли и уверяю тебя, что ужасно трудно быть слабой, как для других трудно быть сильными, и у меня вызывают улыбку разговоры людей о том, что я – слабая. Но если бы кто-нибудь знал, мог понять мои мысли, он бы широко раскрыл глаза от удивления, он восхитился бы моей силой.

Вилли, ты никогда меня не поймешь, потому что ты меня абсолютно не знаешь, и я не хочу, чтобы ты меня узнал, и когда я исчезну из твоей жизни, я оставлю у тебя очень странное впечатление, ты никогда не сможешь меня забыть.

Je¹¹ veux souffrir<,> je veux connaitre ce que c'est que la souffrance la véritable et profonde <<>douleur» mais lorsque je t'ai rencontré<,> au premier moment tu ne signifiais rien pour moi mais j'ai senti que tu étais malheureux et que je devais t'aimer<,> qu'avec toi je connaîtrai des moments de bonheur et de douleurs, et maintenant je t'aime<,> Je le sais mais je suis plus forte que l'amour car le jour où je me dirai: «vas plus loin<>», que je comprendrai ce que c'est qu'aimer et bien Willy je te quitterai car tu n'es qu'une victime entre mes mains qu'un jouet et je t'ai pris et ma volonté ne doi<t> pas exister lorsque je suis avec toi, je dois être un être faible et me sacrifier pour toi même si c'est ma mort<,> Mais Willy tu comprends je suis ainsi seulement avec toi<,> Avec un autre homme qui ne peut me servir à rien<,> ne signifie rien et je le laisse passer. Jamais un autre homme ne pourra me serrer dans ces [ses] bras que toi<,> Maintenant je suis à toi complètement<,> tout t'appartient. Si j'écris tous les soirs je deviendrai sous peu ce que j'étais avant et maintenant ce n'ai pas [ce n'est pas] encore le temps et j'aime mieux pas écrire, ma force est éteinte et elle doit rester encore ainsi. Je veux encore souffrir, souffrir à en perdre la raison alors lorsque ce moment arrivera j'écrirai énormément pour me re-

monter et maintenant mon rôle est de souffrir. C'est merveilleux comme je suis bien tombé sur toi Willy si tu me comprenais!!! Si tu étais comme moi. Maintenant j'ai le monde entier dans mes mains<.> Non je ne dois pas encore, le moment n'est pas encore venu<.>

Willy, jamais personne ne m'a écrit une lettre<,> ne m'a dit les paroles que tu m'as dit<es><.> Un autre n'aurai<t> jamais osé [osé] le faire<,> je ne lui aurais pas permis<.> Mais de toi je dois supporter tout<.> Je t'aime je t'aime follement<,> c'est un amour étrange que tu ne comprends pas. Qu'est<->ce que je suis pour toi «une femme assez bien, assez intelligente<»> mais tu sens que quelque chose te retiens [retient] vers moi et tu ne sais pas ce que c'est et tu ne pourrais pas me quitter mais si tu savais comme je suis étrange formidable, jamais tu ne pourras comprendre qu'une gosse de 18 ans souffre par sa propre volonté<.>

Non c'est fou je ne peux plus écrire je me sens transformée et je ne dois pas<.> Non non je n'écrirai plus.

C'est fou maintenant c'est 4h. de la nuit je me sens merveilleusement bien je n'ai pas mal<,> je n'ai pas sommeil<,> non<,> mais qu'est<->ce que j'ai, Willy<?> Je veux t'aimer le plus longtemps possible mais je partirai je dois partir je ne sais pas encore quand<.> Mais je sais qu'avec toi je souffrirai encore<.> Après j'irai peut être cherché [chercher] le bonheur puis ce que [puisque] la douleur existe le bonheur peut de même exister. Maintenant tout me paraît [paraît] triste<.> De toutes les émotions que je pourrais supporter j'en suis malade mais au contraire plus tard je me dirai que tout est très bien<.>

J'ai écrit<t> pour me calmer et ça a très bien réussi [réussi]<,> merveilleux même trop. C'est pour ça que j'ai écrit<t> <,> ça doit être comme ça.

ПЕРЕВОД:

Я хочу страдать, я хочу узнать, что такое страдание, настоящая и глубокая «боль», но, когда я тебя встретила, поначалу ты ничего не значил для меня, однако я почувствовала, что ты несчастлив и что я должна тебя полюбить, что с тобой я узнаю минуты счастья и страданий, и теперь я тебя люблю. Я это знаю, но я сильнее любви, так как в день, когда я скажу себе «иди дальше», когда я пойму, что значит любить, знаешь, Вилли, я тебя покину, потому что ты всего лишь жертва в моих руках, игрушка, и я тебя взяла, хотя моя воля не должна существовать, пока я с тобой. Я должна быть существом слабым и жертвовать собой для тебя, даже если это – моя смерть. Но, Вилли, ты понимаешь, я такая только с тобой. Другой мужчина, который мне

ни к чему, который ничего не значит, пускай уходит. Никогда другой мужчина не сможет, как ты, заключить меня в объятия. Теперь я вся твоя, все принадлежит тебе. Если я буду писать каждый вечер, я скоро стану такой, какой была прежде, но время еще не пришло, и я предпочитаю не писать, моя сила угасла, и пусть пока так остается. Я еще хочу страдать, страдать так, чтобы потерять разум, и когда этот момент настанет, я начну писать, не прерываясь, чтобы вновь подняться, а сейчас моя роль – страдание. Это чудо, что ты мне встретился. Вилли, если бы ты меня понял!!! Если бы ты был как я. Сейчас весь мир у меня в руках. Нет, я еще не должна, время не пришло.

Вилли, никто никогда не написал мне письма, не сказал мне слов, которые ты мне сказал. Другой никогда не осмелился бы это сделать, я бы ему не позволила, но от тебя я должна терпеть все. Я люблю тебя, люблю безумно, это странная любовь, которой ты не понимаешь. Что я для тебя? «Неплохая женщина, достаточно умная», но ты чувствуешь, что что-то тебя удерживает со мной, и ты не знаешь, что это, и ты не смог бы меня оставить, но если бы ты знал, насколько я странная, страшная. Никогда ты не сможешь понять, что 18-летняя девчонка страдает по собственной воле.

Нет, это безумие, не могу больше писать, я чувствую, что меняю, а не должна. Нет, нет, не буду больше писать.

Это безумие, сейчас 4 часа утра, а я чувствую себя чудесно, у меня ничего не болит, я не хочу спать, но что со мной, Вилли?

Я хочу любить тебя как можно дольше, но я уйду, я должна уйти, не знаю еще, когда. Но я знаю, что с тобой я буду еще страдать. Потом я, может быть, отправлюсь искать счастья, поскольку, раз существует страдание, счастье тоже может существовать. Теперь мне все кажется печальным. Я больна от всех чувств, которые я могла бы вытерпеть, но, напротив, позже я скажу себе, что все хорошо.

Я писала, чтобы успокоиться, и это получилось, прекрасно, даже слишком. Я писала для этого, это должно быть так.

Zurich, le 16 mai 1929

Lorsque j'ai fait le voyage j'ai remarqué une chose qui m'a énormément frappée. A Fribourg est montée dans le train une religieuse, par la fenêtre elle a fait signe à une connaissance sans doute mais sans laisser paraître sur son visage la moindre émotion, le moindre sourire, seulement un air de sérénité profonde y régnait<.> D'extase ses yeux ne voyait [voyaient] pas c'est à dire ne voyait [voyaient] pas ce que les miens

voyaient<.> Ils étaient grands et ils regardaient dans le lointain où ils devaient apercevoir des choses sublimes merveilleuses.

Elle portait un grand voile noir bordé d'une fine bande blanche, qui lui descendait bas sur les yeux. Elle s'assit et maintenant son regard s'abaissa sur son bréviaire qu'elle savait sans doute depuis longtemps par coeur mais qu'elle relisait toujours avec le même sentiment, éprouvant la même émotion. Je l'observais<.> Son profil n'avait rien de frappant même j'aurais pu [pu] dire qu'il était des vulgaires mais je ne pouvais m'empêcher de la regarder et bientôt elle ferma son livre et se mit à prier. Combien de temps dura cette prière je ne sais pas mais ses lèvres épaisses remuaient<.> ses yeux étaient fermés et c'était si beau si grand de voir cette femme qui avait sacrifié sa vie pour la donner à Dieu<.> pour qui n'existait rien d'autre<.> si étrangère et si loin de nous tous. J'ai eu [eu] mille questions. Pourquoi a-t-elle fait ça<?> Chagrin d'amour sans doute<.> Alors combien cette femme avait dû [dû] aimer et comme elle a dû [dû] souffrir. J'aurais voulu lui parler, l'interroger mais le train était rempli [rempli]<.> nous étions en 3kl., et perdue dans mes questions je ne la vis pas partir<.> Où allait-elle ainsi dans sa modeste robe noire<.> qui était-elle et pourquoi surtout pourquoi s'était-elle donnée à Dieu?

Lorsque je voulus me comparer je sentis que jamais je ne pourrais en faire autant<.>

Je suis maintenant à Zurich, près de Willy. Aujourd'hui je l'ai très peu vu<.> il est parti à 8h. disant qu'il reviendrait peut être à 10h mais qu'il téléphonerait<.> Maintenant c'est juste 12h. C'est fou mais lorsqu'il est parti je n'ai pas dit un mot je ne me suis pas même demandée «Est-<->ce que je le crois ou pas»<.> Après tout<.> je ne sais absolument rien de sa vie<.> et ce soir qui me dit qu'il est vers son frère<?> Mais j'ai été frappée de mon indifférence. Il reviendra<.> je serai gentille et je ne dirai pas un mot. Mon Dieu moi je serais sortie ainsi<.> il serait devenu fou. J'aimerais bien le voir passer une soirée d'attente depuis 8h à 12h. Que fera-t-il<?> Je veux essayer.

ПЕРЕВОД:

Цюрих 16 мая 1929

Во время путешествия я заметила одну вещь, которая меня необычайно поразила. В Фрибурге в поезд села монахиня, через окно она сделала знак кому-то, наверное, знакомому, но на ее лице не отразилось никакого чувства, ни малейшей улыбки, только глубокая безмятежность царила на лице. В экстазе ее глаза не видели, то есть не видели того, что

видели мои глаза. Они были большими и смотрели вдаль, где должны были замечать какие-то возвышенные чудесные вещи.

На ней был черный покров, окаймленный узкой белой полосой, опущенный до самых глаз. Она села, и ее взгляд опустился на требник, который она, вероятно, давно знала наизусть, но который она перечитывала с тем же чувством, испытывая то же волнение. Я наблюдала за ней. В ее профиле не было ничего замечательного, я могла бы даже сказать, что он был обыкновенным, но я не могла оторвать от нее взгляд, и вскоре она закрыла книгу и стала молиться. Сколько длилась эта молитва, я не знаю, но ее пухлые губы двигались, глаза были закрыты, и было так прекрасно и величественно видеть эту женщину, отрешенную от жизни, чтобы отдать ее Богу, для которой не существует ничего другого, такую чуждую, такую далекую от всех нас. У меня возникла тысяча вопросов. Почему она сделала это? Любовная драма, вероятно. Тогда как сильно эта женщина должна была любить и как должна была страдать. Мне бы очень хотелось с ней поговорить, спросить ее, но поезд был полный, мы ехали третьим классом, и, увлеченная своими вопросами, я не заметила, как она вышла. Куда она направлялась в своем скромном черном платье, кто она и почему, почему она отдала себя Богу? Когда я подумала сравнить себя с ней, я почувствовала, что никогда бы не смогла поступить так.

Сейчас я в Цюрихе, рядом с Вилли.

Сегодня я его очень мало видела, он ушел в 8 часов, сказав, что, может, вернется в 10, что позвонит. Сейчас ровно 12 часов. Это глупо, но, когда он ушел, я не сказала ни слова, я даже не спросила себя «Верю ли я ему, или нет». В конце концов, я абсолютно ничего не знаю о его жизни, и сегодня вечером, кто сказал, что он пошел к брату? Я удивилась собственному равнодушию. Он вернется, я буду мила и слова не скажу. Боже мой, если бы я так ушла, он бы с ума сошел. Хотела бы я посмотреть, как бы он провел вечер в ожидании с 8 часов до 12 часов. Что он станет делать? Хочу попробовать.

Zurich, le 17 <mai>¹²1929

Willy est parti. Il a lu<.> Tant pis peut-être encore lira-t-il ça mais il n'a pas compris [compris]. Je ne voulais pas qu'il lise ces pages que j'ai écrites le 10/6 [5]. C'est fou ce qu'il a fait mais je trouve que c'était merveilleux. Il a complètement perdu la tête.

Maintenant j'ai froid<,> la tête me tourne<.> Le même sentiment comme si j'avais bu [bû] hier soir jusqu'à la perte de la raison. Je vois que

je n'ai encore jamais senti [senti] mon cœur battre aussi fort que cette nuit<.> Willy souffre mais je l'aime. C'est un amour fou qui est tellement formidable et je ne comprends. Avec Willy je pourrais tout tout supporter, qu'il fasse ce qu'il veut [veut]. Mais nous sommes lâches. Lui était fou de m'arracher ainsi ce livre mais il n'aura pas compris [compris]. Maintenant je le cacherai<,> je ne veux pas qu'il le trouve. J'écrirai tout ce que je pense et ce que je fait [fais]<.>

Il a crut [cru] que j'étais malade.

Je savais très bien hier soir qu'il était chez son frère et lorsqu'il est arrivé j'en étais sûre mais ça [ça] me faisait [faisait] plaisir de lui dire ça [ça]<.> Il m'aime<,> je le sais<,> mais je n'ai jamais vu un amour aussi lâche que le nôtre.

Aucune raison, aucune fierté n'existe. Je relisais ce matin les pages que j'avais écrite<s> en Russie. Tout est fini [fini] maintenant. Si je pouvais savoir l'avenir je suis sûre que je devrais me tuer immédiatement<.>

L'ombre, les tenebres, le silence. Lugubres les arbres s'agitaient. Des fantomes. Seul, il s'avance:

«Les baisers de Jabel, l'odeur parfumée étrangement de son corps, les frissons de la chair. Les caresses veloutées de ses bras enchaînés [enchaînés], les lourds cheveux se mêlant une auréole magnifique, les yeux profonds, mystérieux et remplis d'angoisse»<.>

Tout

ПЕРЕВОД:

Цюрих, 17 <мая>

Вилли ушел. Он прочел. Тем хуже, может, он еще прочтет, но он не понял. Я не хотела, чтобы он прочел страницы, которые я написала 10/<5>. Это безумие, что он сделал, но я нахожу, что это было чудесно. Он абсолютно потерял голову.

Сейчас мне холодно, голова кружится, такое же ощущение, как если бы я вчера вечером напилась до потери рассудка. Чувствую, что никогда еще мое сердце не билось так сильно, как этой ночью. Вилли страдает, но я его люблю. Это безумная любовь, столь необыкновенна, я не понимаю. С Вилли я могла бы все-все вынести, пусть он делает, что захочет. Но мы малодушны. Он, как безумный, хотел вырвать у меня эту тетрадку, но он не поймет. Теперь я ее спрячу, я не хочу, чтобы он ее нашел. Я буду записывать все, что я думаю и делаю.

Он подумал, что я больна.

Я прекрасно знала вчера вечером, что он был у брата, и когда он пришел, я в этом была уверена, но мне доставляло удовольствие говорить ему это. Он любит меня, я это знаю, но я никогда не видела такой малодушной любви как наша.

Никакой рассудительности, никакой гордости не существует. Я сегодня перечитывала страницы, написанные в России. Теперь все кончено. Если бы я могла предвидеть будущее, я уверена, что должна была бы убить себя немедленно.

Темнота, сумерки, тишина. Мрачные деревья качались. Призраки. Он подходит один:

«Поцелуй Jabel удивительный аромат ее тела, волнение плоти. Бархатистые ласки ее объятий, тяжелые волосы, создающие великолепный венец, глубокие глаза, таинственные и полные томления».

Все.

Zurich, le 25 mai 1929

Pourquoi? Pourquoi de nouveau cette dispute? Je ne comprends pas. C'est pas ma faute si je suis ainsi, mais depuis 10 mois chaque [chaque] jour j'ai des ennuis nouveaux et je suis à bout<.> Si Willy pouvait comprendre<!> Pourtant il est plus âgé et c'est un homme et suisse c'est le pire de tout. Pour pouvoir me dire ce qu'il me dit que je peux aller à l'hôpital et qu'il payerait<,> que je devrai foutre le quand [le camp]<.> C'est sûr maintenant<,> il a bien pu avoir mon corps et ça lui suffit. Si il avait eut [eu] des ennuis comme moi<,> il saurait pourquoi je suis ainsi. Depuis si longtemps je vis dans l'incertitude<,> je ne sais plus que faire<,> j'aime Willy<.> Maintenant qu'il n'est plus là<,> je suis si malheureuse<.> Quelle vie peut être sans lui<?> Mais avec lui jamais on s'accordera<.> C'est fou mais je serai malheureuse aussi. Si je pouvais me tuer<.> Willy doit me detester<,> pour lui je suis une grue mais c'est fou<,> ça me rend malheureuse car ce n'est pa sma faute s'il n'a pas put [pu] me prendre vierge<,> mais tout ça c'est la faute à l'autre à Moscou<.> Je le déteste<,> il m'a complètement abimé ma vie. Si Willy ne revient plus<?> Mais non<,> ce soir il sera là et de nouveau tout ira bien pour quelques heures car ça sera nuit et la nuit il m'aime mais il est dégoûtant [dégoûtant] avec moi<.> Pourquoi il m'a menti disant qu'il irait chez son frère et lorsque j'ai voulu aller avec il a vite dit «viens mais je dois passer ailleurs<s>» et il ne m'a pas laissé monter dans sa chambre pourquoi? Il me dit d'aller jouer au

billard<,> il joue et je dois le regarder<,> Ça m'intéresse peu et tout le temps il se fâche<,> Je devrais être une petite bourgeoise qui puisse tenir la chambre bien propre<,> qui ne dise jamais rien s'il ne vient pas et qui l'accueille toujours bras ouvert<s><,> Mais il est fou<,> lui<!> Il travaille toute la journée<,> il n'a pas besoin de rien d'autre<,> ça l'occupe mais moi je n'ai rien à faire seulement à penser. Ce matin j'étais tellement contente de le voir venir<,> je voulais me marier avec lui immédiatement et partir à Lausanne finir mon cours<,> alors étant Suisse j'aurais pu avoir une place et travailler<,> Lui me répond «tu en auras mare [marre]» ou bien «<»tu n'arriveras pas<,> tu as point d'énergie» mais qu'est<->ce qu'il lui faut<?> Que je l'admire<?> Me mette à genoux devant lui et lui dise «je t'aime»<?> Alors il sera content. C'est bête tout ça et moi je suis folle de me laisser faire mais voilà je l'aime et c'est ma grande faiblesse<,> J'ai même été étonnée comment j'ai put [j'aie pu] ce soir partir ainsi au lieu de l'embrasser<,> de sortir avec<,> mais je ne pouvais pas aller au Kursal [Kursaal]<,> j'étais trop triste toute la journée. Willy ne me croit pas<,> il n'a aucune confiance en moi et bien tanpis [tant pis] il ne c'est pas [il ne sait pas] ce qu'il perd<,> jamais une autre femme ne l'aimera comme moi c'est à dire [c'est-à-dire] elle l'aimerait mais différemment et lui ce [se] rappellera de moi. Il ne pour<r>a pas me matter [mater]<,> on ne met pas un oiseau en cage ou du moins je ne me laisserai pas faire.

Mais il regrettera de n'avoir pas su me garder<,> de m'avoir insulté<e> et renvoyé[e].

----- -----

Maintenant je suis calme mais j'ai pleuré<,> je ne pouvais pas souffler et j'ai écrit<,> Ça [ça] m'a fait du bien.

ПЕРЕВОД:

Цюрих, 25 мая 1929

Почему? Почему снова эта ссора? Не понимаю. Это не моя вина, что я такая, но вот уже 10 месяцев каждый день у меня новые неприятности, я в отчаянии. Если бы Вилли мог понять! Однако ж он старше, он мужчина и швейцарец, и это самое худшее. Как он может говорить мне то, что он говорит, что я могу пойти в больницу, что он даст денег, что я должна уйти к черту. Теперь все ясно, ему достаточно было овладеть моим телом. Если бы на его долю выпали такие несчастья, как на мою, он бы знал, почему я такая. Я уже столько времени живу в неопределенности, не знаю больше, что делать, я люблю Вилли. Теперь, когда его здесь нет, я так несчастна, как жить без него, но

с ним никогда нам не помириться, это безумие, поэтому я буду несчастна. Если бы я могла убить себя. Вилли должен меня ненавидеть, я для него – женщина легкого поведения, но это безумие, я несчастна <...>. Если Вилли не вернется, но нет, сегодня вечером он будет здесь, и все опять будет хорошо несколько часов, потому что будет ночь, а ночью он любит меня, но он несносен. Зачем он солгал, сказав, что пойдет к брату, а когда я захотела пойти с ним, он вдруг сказал «пойдем, но я должен зайти в другое место» и не пустил меня в комнату, почему? Он мне говорит, что идет играть на бильярде, он играет, а я должна смотреть на него. Это мне мало интересно, а он все время сердится. Я должна была бы быть маленькой мещанкой, содержащей комнату в чистоте, ничего не говорить, если он не придет, всегда встречать его с распростертыми объятьями. Но он безумец, он работает целый день, ему больше ничего не надо, это его занимает, а я, мне нечего делать, только предаваться своим мыслям. Сегодня утром я так была рада, когда он пришел, я хотела тут же выйти за него замуж и уехать в Лозанну заканчивать курсы. Тогда, получив швейцарское гражданство, я бы могла найти работу. Он мне отвечает: «тебе надоест» или «ты не сможешь, у тебя нет энергии», но чего он хочет, чтобы я им восхищалась, встала на колени перед ним и сказала «люблю тебя», тогда он будет доволен. Все это глупо, и я дура, что поступаю так, но я люблю его и это моя большая слабость. Я сама удивляюсь, что смогла так уйти сегодня вечером, вместо того чтобы обнять его, выйти с ним, но я не могла пойти в Курзал, мне было очень грустно весь день. Вилли мне не верит, не испытывает ко мне никакого доверия, ну что же, тем хуже, он не знает, что теряет, никогда другая женщина не будет любить его так, как я, т. е. она бы любила его, но иначе, и он будет вспоминать меня. Ему не усмирить меня, нельзя посадить птицу в клетку, во всяком случае, я этого не позволю. Но он пожалеет, что не сумел удержать меня, что оскорбил меня и прогнал.

Теперь я успокоилась, но я плакала, не могла дышать, я написала, и мне стало легче.

Zur<ich>, le 27 mai 1929

Cette nuit en rêve j'ai vu mon neveu<> C'était un tableau que je n'oublierai pas<,> encore plus impressionnant que la première fois où je l'ai vu en 1925. Il était déjà beau certe<s> mais cette nuit je le vois entrer dans la chambre, il avait des pantalons blanc [un pantalon blanc] et une veste bleu<e> marine<,> ses grands cheveux noirs très bouclés<,> des

yeux merveilleux très noirs aussi<,> un air de grandeur, de majestueux, une grande fierté. Je le regardais sans pouvoir détacher mes yeux de ce visage<,> Il venais d'être reçu comme officier. Il s'assit sur le bord de la table, il avait encore grandit. Je lui dis «Вова pas une femme ne peut te résister» il répondit «Jusqu'à maintenant je suis très désintéressé des femmes<»><.> Je me suis réveillée. C'était bien Вова et c'est drôle chaque fois que j'ai l'ai vu [je l'ai vu] en Russie sa beauté toujours croissante me frappait.

Hier soir j'ai été à l'Opera avec Вилли «Les maîtres chanteurs de Wagner<»>. Je ne peux rien dire seulement que c'est trop beau Toule temps [tout le temps] j'ai pensé. Je voyais constamment cette italienne avec qui Willy était sorti [sorti]<,> Pourtant je ne la connais pas je ne sais pas du tout comment elle était. Après j'étais en Afrique. C'était le 13 du moi<s>, nous vivions avec Вилли et ce soir là je le priais de rester avec moi.

J'étais presque nue, je tremblais depuis plusieurs jours<,> je sentais un mal qui me torturait mais je n'avais rien fait savoir et maintenant j'étais triste «Вилли, non, ne part [pars] pas c'est le 15<,> il arrivera quelque chose, j'en suis sûr<e>>>. Willy si tu savais mais il est parti [parti] je suis restée seule couchée sur un divan, et j'avais soif je tordais mes mains et vers minuit j'ai commencé à avoir peur je me roulais par terre en pleurant. J'allais mourir oui c'est ça [ça] c'était la mort et Willy était parti [parti]<,>

Il y avait des hommes noirs des nègres qui m'entouraient je ne me rappelle plus, Willy est arrivé il s'est mis à genoux m'embrassait me serrait dans ses bras. Alors je l'ai regardé longtemps longtemps<.>

ПЕРЕВОД:

Цюр<их>, 27 мая 1929

Сегодня ночью во сне я видела моего племянника.¹³ Это была картина, которую я не забуду, картина еще более волнующая, чем в первый раз, когда я его увидела в 1925. Он и тогда, конечно, был красив, но этой ночью я увидела его входящим в комнату, он был в белых брюках, в темно-синей куртке, у него длинные черные кудрявые волосы, прекрасные тоже черные-черные глаза, вид благородный, величавый, очень гордый. Я смотрела на него и глаз не могла оторвать от этого лица. Он только что получил звание офицера. Он присел на край стола, он стал еще выше. Я ему сказала: «Вова, ни одна женщина не устоит перед тобой», он ответил: «До сих пор я вовсе не интересовался женщинами». Я проснулась. Это действительно был Вова, это

удивительно, каждый раз, когда я видела его в России, его все возрастающая красота поражала меня.

Вчера вечером я была в Опере с Вилли. «Нюрнбергские мейстерзингеры» Вагнера.¹⁴ Не могу ничего сказать, только, что это прекрасно.

Я все время думала. Я постоянно видела эту итальянку, с которой Вилли раньше встречался. Однако я ее не знаю и не знаю, какая она. Потом я была в Африке. Это было 13 числа этого месяца, мы жили с Вилли, и в этот вечер я просила его остаться со мной.

Я была почти голая, меня лихорадило несколько дней, меня мучила боль, но я ничего об этом не сказала, и теперь мне было грустно. «Вилли, не уходи, 15 что-то произойдет, я в этом уверена». Вилли, если бы ты знал, но он ушел, я осталась одна, я лежала на диване, мне хотелось пить, я заламывала руки, к полуночи мне стало страшно, я стала кататься по полу, заливаясь слезами. Я думала, что умру, да, это была смерть, а Вилли ушел.

Вокруг были черные негры, я плохо помню, Вилли пришел, встал на колени, целовал меня, держал меня в объятьях. И я долго, долго смотрела на него.

Le 28 mai

Je viens de prendre 10 comprimés de 1 gr si seulement ça me ferait quelquechose [quelque chose] si je pouvais mourir. Je veux me tuer<> Mais comment<?> J'ai encore une lame de rasoir dans mon tiroir je peux me couper une veine. Willy est fâché horriblement fâché je ne sais pas ce qu'il m'a pas dit tanpis [tant pis] je l'aime et j'aime mieux mourir que de vivre seule sans lui. Je l'aime c'est fou et il le ne veut pas comprendre, et lorsqu'il m'a dit que je devais partir, j'ai pensé à la mort, c'est trop bête<> Et si seulement je ne l'aimais pas je pourrais partir et me ficher de lui mais je l'aime je l'aime et c'est amour [cet amour] est si fort et depuis que je suis avec lui j'ai complètement perdu la tête, maintenant j'ai la tête lourde mais ça [ça] ne me fait encore rien. Si je croyais en Dieu comme je me jetterais à genoux et le supplierais de me faire mourir. On m'avait toujours dit qu'une fois ça [ça] m'arriverait d'aimer veritablement et qu'alors je serai perdue et je devrai souffrir.

Si cette nuit je meurs pas<> demain je pars pour Berne ou¹⁵ je me jette sous le train, j'ai dit à Willy que ça [ça] serait la dernière soirée et qu'il me reverrait plus et ça sera ainsi. Mon Dieu ce que j'aimerais mourir et c'est si triste car j'aime<>

Viendra-t-il ce soir? J'aimerais le revoir encore une seule seule fois<.> J'ai mal au coeur<.> Willy<,> Willy<,> chéri<,> pourquoi ne comprends-tu pas que je t'aime<?> Pourquoi ne crois-tu pas. Mais comment le lui prouver. Enfin si la mort venait çà [ça] serait bien, peut être alors il comprendra. C'est fou mais je pense que si je meurs pas cette nuit j'écrirai encore dans ce livre et j'aimerais que ce soit [soit] la dernière page. Page de détresse et d'amour.

ПЕРЕВОД:

28 мая

Только что проглотила 10 таблеток по 1 грамму, если бы только это возымело действие, если бы я могла умереть. Я хочу убить себя, но как? У меня лежит бритва в ящике, я могу вскрыть вены. Вилли рассердился, страшно рассердился, не знаю, почему он мне не сказал, тем хуже, я люблю его, и я предпочитаю умереть, чем жить одной без него. Я его люблю, это безумство, а он не хочет понять, и когда он мне сказал, что я должна уйти, я подумала о смерти, это слишком глупо. Если бы только я не любила его, я смогла бы уйти, и мне было бы наплевать, но я люблю его, и эта любовь так сильна, и с тех пор, как я с ним, я совершенно потеряла голову, сейчас у меня тяжелая голова, но это неважно. Если бы я верила в Бога, я бы бросилась на колени и молила бы Его о смерти. Мне всегда говорили, что однажды мне случится полюбить по-настоящему, и тогда я пропаду и буду страдать.

Если этой ночью я не умру, завтра я уеду в Берн и (или)¹⁶ брошусь под поезд, я сказала Вилли, что это будет последний вечер, и он больше меня не увидит, и это будет так. Боже мой, как бы я хотела умереть, и это так грустно, потому что я люблю.

Придет ли он сегодня вечером? Я хотела бы увидеть его еще один-единственный раз. Меня тошнит. Вилли, Вилли дорогой, почему ты не понимаешь, что я люблю тебя. Почему ты не веришь. Но как ему это доказать? В конце концов, если бы смерть пришла, было бы хорошо, может быть, тогда он поймет. Это безумие, но я думаю, что если не умру этой ночью, я еще сделаю запись в этой книжке, и я хотела бы, чтобы это была последняя страница. Страница муки и любви.

Zurich, le 31 mai 1929

Et bien quoi? Rien absolument rien<.> [ПЕРЕВОД: Цюрих, 31 мая 1929]

Ну и что? Ничего, совершенно ничего<.>] Пустота, безумная пустота и кругом ничего. Живет тело, мясо, кости, а душа, духовная часть, ушла, ничего не существует. Мне печально, скучно, огромная мировая скорбь. Не может она <у>йти.

Погода прекрасная, жизнь <и>дет, все впереди. Вперед, вперед. А я я... Что жаль мне, всегда у меня был<а> такая жалость от жизн<и>. Enfin? Il n'y a rien à faire pour le moment. [ПЕРЕВОД: Итак? Делать нечего сейчас.]

Trois jours ont passés [sont passés] et l'horrible moment a <est> passé de même et pourtant rien n'a changé, tout est resté à sa place<,> la vie continue sa route habituelle dans les rues toujours le même bruit d'auto, des gens tout ce mouvement qui ne put s'arrêter<.>

Maintenant je souris<,> Willy sera arrivé en retard ce matin<.> Ce matin j'ai passé mon temps à lire et a brodé [broder]. Je lis Mr Thiers un homme vraiment extraordinaire et des fois je l'envie, rien n'existe pour lui qu'arriver<,> monter toujours plus haut mais j'aimerais connaître sa vie morale<.> A quoi devait-il penser en dehors de politique et d'affaires d'Etats [Etat]. L'idée lui est-elle venue à quoi bon. Pourquoi vivait-il. Il y a des gens beaucoup plus intelligent<s> que moi et qui lorsque cette question leurs [leur] vient à l'esprit et la répoussent en riant et disent <<>Je suis sur la terre, je sais, je marche je suis mon maître. J'ai un cerveau je pense et puisque je peux penser alors je vis je suis là<.> Toutes les autres questions ne me regardes [regardent] pas<,> je prendrai de la vie tout ce que je peux<,> je vivrai bien<,> je mettrai tous efforts à arriver au but que je me suis donné<.> Si j'arrive je serai content alors je pourrai penser à autre chose<.> Maintenant je vis et c'est tout ce que je sais<»>. Peut-être Thiers était un de ceux<-> là.

J'aimerais lire et écrire<,>
écrire et lire.

[ПЕРЕВОД:

Прошли три дня, и страшный момент также прошел, но, однако, ничего не изменилось, все осталось на своем месте, жизнь продолжает свой обычный путь, на улицах тот же шум автомобилей, люди, все это движение не могло остановиться.

Теперь я улыбаюсь, Вилли сегодня утром придет с опозданием.

Я провела утро за чтением и вышивкой. Я читаю Тьера, по-настоящему исключительного человека,¹⁷ и иногда я ему завидую, для

него существует только движение, восхождение все выше, а я хотела бы знать моральную сторону его жизни, о чем он мог думать, кроме политики и государственных дел. Приходила ли ему мысль, зачем, почему он живет. Есть люди гораздо более умные, чем я, которые, когда им в голову приходит этот вопрос, отбрасывают его и, смеясь, говорят: «Я стою на земле, я знаю, я иду, я сам себе хозяин. У меня есть мозг, я думаю, и раз я могу думать, значит, я живу, я тут. Все другие вопросы меня не касаются. Я возьму от жизни все, что смогу, я буду хорошо жить, приложу все усилия для достижения поставленной цели. Если я преуспею, я буду доволен и смогу подумать о другом. А сейчас я живу, и это все, что я знаю». Может быть, Тьер был одним из таких людей.

Я хотела бы читать и писать

Писать и читать.]

Мо<его> лично<го> Я больше не существует как раньше. Он<о> всегда был<о> довольно слабы<м>, но все-таки был<о>. Сейчас все путается в голове. Я сплю. Tout est embrouillé. Les pensées/idées<,> car j'en ai énormément, se croisent<,> s'embrouille<nt> comme la laine et si je veux commencer à débrouiller<,> je tire un fil<,> il se casse ou il forme des noeux [noeuds] et plus je vais en avant plus j'ai de peine. Il faut de la patience.

J'ai voulu me tuer et pendant 2h j'ai attendu la mort. Je l'avouerai une seconde j'ai eut [eu] peur je me<,> Et pourquoi faut-il que je pense à ça maintenant. J'aimerais pleurer. Maintenant c'est Женья¹⁸ qui me vient à l'esprit. Il était si gentil<,> il et venait me chercher et m'accompagner pour aller aux cours<,> Pas une fois il aurait manqué et je me rappelle nous aurions été au théâtre «Traviata»¹⁹ c'était la première fois que je l'entendais<,> pour me faire plaisir il avait prit [pris] une loge pour nous seuls, et en sortant du théâtre je lui ai dit que je ne voulais plus de lui<,> que je préférais aller au cours seule<,> Lui ne comprenait plus rien<,> il pleurait, mon Dieu il avait construit de si beaux châteaux en Espagne<,> la vie à deux<,> lui et moi<,> et là brusquement cruellement il voyait tout s'écroule<rt>: lui était jaloux de Serge,²⁰ mais je trouvais Serge très bien<,> c'est à dire nous avons été des amis<,> de très bons amis<,>

Pendant une année jusqu'à mon départ et il ne m'a pas embrassé une seule fois<,> jamais j'ai remarqué que c'était un homme qui était avec moi mais un camarade et nous avons passé ensemble des belles soirée [de belles soirées] et ajouté Donat Daitch.

Quelle vie différente j'ai déjà connu<,> quel pays devait être la Russie auparavant lorsque sur l'intelligence ne régnait pas cette tristesse, ce

lassement de tout comme maintenant et malgré tout ce qu'elle a supporter [supporté] elle est restée supérieure<,> elle est formidable<.>

ПЕРЕВОД:

Все запуталось. Мысли, у меня их очень много, перекрещиваются, путаются, как шерстяная нить, и, если я хочу начать их распутывать, я тяну за одну ниточку, а она рвется или на ней завязываются узлы, и чем дальше я двигаюсь вперед, тем больше я страдаю. Нужно терпение.

Я хотела убить себя, и в течение 2 часов я ждала смерти. Признаюсь, на секунду мне стало страшно, я... и почему нужно, чтобы я думала об этом сейчас. Я хотела бы заплакать. Теперь мне вспомнился Женя. Он был так мил, приходил за мной, чтобы проводить меня на курсы. Он не пропустил ни разу. Я вспоминаю, как мы были в театре. «Травиата» – я ее слышала в первый раз. Чтобы сделать мне приятное, он взял ложу для нас одних. А выйдя из театра, я ему сказала, что он мне больше не нужен, что я предпочитаю ходить на курсы одна. Он ничего не понимал, плакал, Боже мой, он строил такие прекрасные воздушные замки, жизнь вдвоем, он и я, и вдруг так жестоко все рухнуло: он ревновал к Сергею, но мне нравился Сергей, то есть мы были друзьями, очень хорошими друзьями.

Целый год до моего отъезда он ни разу не поцеловал меня, никогда я не замечала, что рядом со мной был мужчина, а не товарищ. Мы проводили вместе прекрасные вечера, к нам присоединился Donat Daïtch (?)

Какую другую жизнь я знала! Какой страной раньше должна была быть Россия, когда над разумом не властвовала эта грусть, эта усталость (?) от всего, как теперь, и, несмотря на все то, что Россия вынесла, она по-прежнему выше всех, она великолепна.

Zurich, le 1er juin 1929

J'étais couchée, j'ai lu Doctoevsky [Dostoevsky] idiot. Ça [ça] me bouleverse, dire que Doct. [Dost.] a vécu que maintenant plus rien n'existe de son corps qu'il a disparu [disparu] que jamais je ne le verrai jamais. Dans tous ses romans c'est lui lui entièrement j'aime Doct. [Dost.] c'est à dire [c'est-à-dire] que c'est une fièvre et je suis comme dans le délire après avoir lu ces livres, même seulement une page, une phrase, car je les devines [devine] je les comprends car je me reconnais<.> Je suis atteinte de la même maladie que tous ces héros, Nastasia c'est une femme

devant qui le monde devrait s'incliner<,> se mettre à ses genoux. Mais qui peut la comprendre. Elle est trop fière et par elle<->même elle se rend malheureuse, les femmes soit disant honnettes ne la recoivent[reçoivent] pas mais combien elle est plus noble que toutes les autres et il faut un idiot pour la comprendre et encore pas entièrement. Un homme ne comprendra jamais une femme<,> elle est trop fine<,> trop sensible pour lui.<->

ПЕРЕВОД:

Цюрих, 1 июня 1929

Лежала в постели, читала Достоевского «Идиот».²¹ Это меня потрясает, подумать только, Дост<оевский> жил, а теперь ничего не осталось от его плоти, он исчез, никогда я его не увижу, никогда, никогда. Во всех его романах я всецело люблю его, Достоевского, иначе говоря, это лихорадка, я словно в бреду, прочитав эти книги, даже одну страницу, одну фразу, потому что я их угадываю, я их понимаю, потому что узнаю себя. Я поражена той же болезнью, что все эти герои. Настасья – это женщина, перед которой мир должен был бы склониться, преклонить колени. Но кто может ее понять. Она слишком гордая и сама себя делает несчастной, так называемые порядочные женщины не принимают ее, но насколько она благороднее всех остальных, и должен найтись идиот, чтобы понять ее, да и то не до конца. Мужчина никогда не поймет женщину, она слишком тонка, слишком чувствительна для него.

Le 7 juin 1929

Il pleut depuis quelques jours. J'ai une idée fixe qui ne me sort pas de la tête et naturellement comme toujours vite je construis des châteaux en Espagne. Je dois en rire moi même<-> Je veux aller m'engager au Cirque<->

Dans 2h. je saurai si oui si non et pourtant j'aimerais. Pourquoi pas. Pourquoi ne me recevraient-ils pas. Pour eux ça [ça] n'a pas une grande importance tandis que pour moi ça [ça] peut changer ma vie complètement et j'y tiens. Le meilleur remède pour le moment c'est un changement, oublier tout le passé et surtout ce que je ne peux plus supporter c'est d'avoir chaque jours [chaque jour] des rapports avec Willy. Ça [Ça] me tue<-> Je suis lasse, fatiguée. Vraiment je ne peux comprendre ces femmes si passionnées qui deviennent folles un temps où elles savent que bientôt elle ne pourront plus. Je n'ai pas de plaisir non pour ne pas mentir<-> j'aime être dans les bras de Willy et sentir la chaleur de son corps, mais

dans tout ça [ça] y a-t-il de quoi crier, devenir fou et franchement je ne peux plus. Surtout ce qui me dégoûte [dégoûte] c'est son point de vue эстетик. C'est affreux.

Enfin je reviens à mon cirque<.>

Celui qui m'a répondu ce matin avait l'air très gentil mais immédiatement j'ai cru lire sur son visage sur son sourire qu'il savait parfaitement pourquoi je venais même que je ne lui aie rien dit et j'ai ris [ri] à cette pensée. J'irai à 11h. C'est drôle comme j'ai eut [eu] toujours des idées subites, folles et que je devais mettre en exécution de suite. Je ne peux vivre en réfléchissant.

ПЕРЕВОД:

7 июня 1929

Уже несколько дней идет дождь. У меня из головы не выходит навязчивая идея, и, как всегда я, естественно, строю воздушные замки. Мне самой это смешно. Я хочу наняться в цирк.

Через 2 ч. я буду знать, да или нет, однако ж мне бы понравилось. Почему бы нет. Почему бы им не принять меня. Им все равно, а моя жизнь могла бы полностью перемениться, и для меня это важно. Сейчас лучшее лекарство для меня – перемена, забыть прошлое, а главное, чего я не могу больше выносить, – каждый день видеться с Вилли. Это убивает меня. Я утомилась, устала. В самом деле, я не могу понять этих страстных женщин, которые с ума сходят, когда понимают, что вскоре больше не выдержат. Мне не нравится лгать, я люблю быть в объятиях Вилли и чувствовать жар его тела, но во всем этом есть, отчего жаловаться, с ума сходить и, честно скажу, я больше не могу. И что самое противное, это его эстетические взгляды. Это ужасно.

Возвращаюсь к цирку. Человек, который ответил мне сегодня утром, казался очень любезным, но тут же мне показалось, что я прочла на его лице, в его улыбке, что он прекрасно понимает, зачем я пришла, хотя я ничего ему не сказала, и мне стало смешно от этой мысли. Пойду в 11 ч. Чудно, мне всегда в голову приходили внезапные, безумные идеи, которые мне нужно было тут же осуществить. Не могу жить, размышляя.]

В бур<ю> ищу пок<ой>,²² но это мне кажется так просто и почему нет. У меня больша<я> люб<овь> к хор<у> Донск<их> казак<ов>.²³ Je me rappelle toujours lorsque nous avons été avec Dioce²⁴ au marché à Leningrad, par hasard j'avais quelques копейек sur moi, et j'ai été frappée d'enten dre dans chaque coins [coin] des voix<.> des chants<.>

de la musique. Le marché était rempli [rempli] de mendiants qui espérant gagné [gagner] quelques kopeek venaient chanter là. Nous parcourûmes chaque groupes [chaque groupe] mais j'avais toujours l'habitude de donner quelques choses [quelque chose] seulement aux mendiants qui me plaisaient et c'étaient presque toujours des enfants ou des zyganes [ziganes]. J'entends une voix très sonore pleine d'entrain et je vois 5 jeunes garçons affreusement mal habillés, leurs vêtements de simples haillons mais des voix superbes, surtout un, je me souviens très bien ses yeux étaient beaux et ils m'ont frappé. Il chantait et me regardait. Il avait une voix un peu trop criarde mais profonde et riste, triste. Dioce me tirait par le bras mais je ne parlais pas. Je leur donnait [donnai] tout ce que j'avais et dis à Dioce d'en faire autant et le priai de chanter encore.

Tous ces gamins plutôt voyoux avaient l'air très content, ils fumaient à tour de rôle la même cigarette, racontaient des histoires comiques<> Je voulais les appeler pour qu'ils viennent chez moi. Mais c'étaient simplement des <x>улиганы et ma mère ne pouvait pas tolérer des gens pareilles [pareils]<>

Mais ils m'ont fait une profonde impression et je ne les oublierai jamais<> Et lorsque les kozak chantent il y a une voix parmit [parmis] qui me rappelle cette cène [scène] sur le marché de Leningrad.

À propos de <x>улиганы je me souviens un soir j'étais triste (samedi) j'avais refusé [refusé] de sortir et pourtant le téléphone cessait [cessait] de marcher, et peut être ça [ça] m'avait rendu triste. Je ne sais<> j'avais point de nouvelle<s> de Mocky. J'ai écrit [écrit] une lettre et me décidai à aller la porter. C'était 9h<> Et voulus prendre le tram. Mais toujours par un hasard vraiment stupide le tram me passait devant les yeux et je devais attendre près de 20 m. Car le seul tram qui passait près de notre maison était très rare. Je ne savais que faire<> aller à pied ou attendre. Je remarquai 2 jeunes garçons 15–16 ans qui me regardaient. J'étais très bien habillée et je savais qu'ils voulaient me parler mais n'osaient [n'osaient]. J'attendis<> l'un deux [l'un d'eux] s'approcha toujours plus et brusquement je lui demandais de ma prêter un crayon. Ce qu'il fit avec empressement. J'écrivis le mot direct sur l'enveloppe et lui tendis le crayon et ainsi le lien étaient [était] rompus. Bras dessus bras dessous<> nous partimes [partîmes]<> à pied à la gare, et me raccompagnèrent. Eux étaient fiers près de se promener avec une si jolie барышня<> moi j'avais simplement oublier [oublié] ma tristesse et je les écoutais. Ils étaient simples fils d'ouvrier<> ne savaient rien mais voulaient se montrer plus qu'ils étaient en réalité<> ça [ça] me faisait [faisait] sourire. Avec qu'elle

[quel] empressement ils me racontaient des histoires du Sud. Je savais qu'ils mentaient mais si ça [ça] leur faisait [faisait] plaisir<...> après nous nous mimes [mîmes] à parler de sport<.> Lorsqu'ils surent que je patinais sur des беговы ils m'invitèrent de suite pour aller patiner avec eux. Les deux jouaient au хоки<.>

Je rentrai naturellement<.> Lorsqu'ils virent où j'habitais (notre maison renfermet [renferme] 2000 habitants et c'est la seconde à Leningrad par sa grandeur) ils se mirent à chercher des connaissances qui soit disant habitaient là. J'étais gaie et je riais de bon coeur. Le lendemain je les avais [avais] oubliés et j'avais invité plusieurs des [de] mes copins [copains]<.> Serge et Donat Da<иpзб.>tch étaient déjà là. Tous deux arrivaient très bien vêtus: Donat avec un superbe manteau de fourrure [fourrure]. Serge qui est directeur de nouveau théâtre qui va chaque années [chaque année] à l'étranger est toujours mis avec une élégance très raffinée. Et tout en coup [tout à coup] Dioce avout [avoue] en riant: «Eric il y a une bande de gamins qui t'attendent mais ils ne veulent pas entrer [entrer]. J'allai moi même et j'en trouvai un seul<.> les autres avaient disparu. Je le priais d'entrer alors il eut l'air si gêné et très ceremonieusement [cérémonieusement] je le présentais à Serge et Donat comme un très bon camarade. Eux étaient déjà habitué<s> à mes folies et se contentèrent de sourire malicieusement.

Il me dit que ces [ses] camarades l'attendaient en bas et j'allais moi<->même les chercher, Ils étaient six. Ils montèrent tous. Je riais aux larmes. Lorsque qu'on les vit [lorsqu'on les vit] entrer chez nous<.> personne ne comprenait [comprenait] rien. Je les fis tous asseoir dans ma chambre et c'était si drôle ils s'assirent au milieu en rang comme des écoliers, ils étaient gênés mais ne voulaient pas qu'ils soie dit [qu'il soit dit]. Ils se poussaient riaient. Moi j'étais assise sur mon lit et je les regardais<.> Ils restèrent dix minutes et prirent la fuite. Je ne pouvais aller patiner.

Lise est venue après et nous avons joué au pim pon [ping pong]. Nous sommes sortis, nous avons fait des tournées dans beaucoup de maisons amies. A qui en avaient [avait] le plus dans chaque rues [chaque rue]. J'étais si gaie et depuis si longtemps je n'avais été ainsi. J'avais même oublié Москву. Partout on me demandait de danser et je dansais et riais, Serge m'avait fait danser sur la scène deux fois<.> Mon Dieu quelle vie différente à celle d'ici. Je veux écrire à Serge et Donat. Ils étaient si gentils. Ils avaient beaux [beau] être des acteurs. Surtout Donat qui était très connu [connu] et très recherché mais avec moi ils étaient comme des enfants. J'ai vu une seule fois Donat sur la scène. Il dansait des danses

caucasiennes<,> auprès des femmes<,> il avait un succès foux [fou]. Elles tapaient des mains. Après qu'il eut fini nous quittames [quittâmes] de suite le théâtre. Il était très sensible<,> très romanesque. De suite il s'informe [s'informe] s'il m'avait plu, Il était très inquiet à ce sujet. Je dis que oui, après il me fit admirer la Niva [Néva], la beauté de la nature et se mit à chanter. Par habitude d'acteur il m'appelaît «Eric mon ange<»><,> Serge <-> «золотая» or и Nikola Nikolaevitch «Pypsik»

ПЕРЕВОД:

Вспоминаю, как мы были с Д<усей> на рынке в Ленинграде, случайно у меня при себе было несколько копеек, я была поражена, слыша в каждом углу голоса, пение, музыку. Рынок был полон нищих, которые в надежде заработать несколько копеек пришли туда петь. Мы обошли каждую группу, но я все время давала что-нибудь только нищим, которые мне нравились, в основном это были дети или цыгане. Слышу очень звонкий голос, полный задора, вижу 5 мальчиков, жутко плохо одетых, просто в лохмотьях, но с великолепными голосами, особенно один, очень хорошо помню его глаза, красивые, они поразили меня. Он пел и смотрел на меня. У него голос был немного крикливый, но глубокий и печальный, печальный. Дуся тянула меня за руку, но я не уходила. Я им отдала все, что у меня было, и сказала Дусе поступить так же, и просила, чтобы мальчик еще спел.

Все эти мальчишки, наверное, хулиганы, имели очень довольный вид, они по очереди курили одну на всех папиросу, рассказывали анекдоты. Я хотела позвать их к себе. Но это были просто хулиганы, а моя мать терпеть не могла подобных людей. Но они произвели на меня глубокое впечатление, я их никогда не забуду. И когда казаки поют, среди них есть голос, который мне напоминает эту сцену на рынке в Ленинграде.

Кстати о хулиганах, вспоминаю один вечер, мне было грустно (в субботу), я не захотела выйти, а телефон сломался, может быть, от этого мне сделалось грустно. Не знаю, не было новостей из Москвы. Я написала письмо и решила отнести его на почту. Было 9 ч., я хотела сесть на трамвай. Но, как всегда по глупой случайности, трамвай ушел у меня из-под носа, и пришлось ждать около 20 минут. Потому что единственный трамвай, проходящий мимо нашего дома, ходил очень редко. Я не знала, как быть – пойти пешком или ждать. Я заметила 2 мальчишек 15–16 лет, которые смотрели на меня. Я была очень хорошо одета, я понимала, что они хотят заговорить со мной, но не

решаются. Я подождала. Один из них подошел ближе, а я внезапно попросила у него карандаш. Он торопливо дал его мне. Я написала на конверте слово и протянула ему карандаш, и лед был сломан. Взявшись под руки, мы пошли к вокзалу пешком. Они меня проводили. Они были горды, что прогуливаются с такой хорошенькой барышней, а я забыла тоску и слушала их. Они были детьми простых рабочих, ничего не знали, но хотели казаться важнее, чем были на самом деле, это меня смешило. С каким рвением они рассказывали мне истории о Юге. Я понимала, что они врут, но они были довольны, потом мы заговорили о спорте. Когда они узнали, что я катаюсь на беговы<х> <коньках>, они сразу же позвали меня кататься с ними. Оба играли в хоккей. Я, конечно, пошла домой. Когда они увидели, где я живу (в нашем доме 2000 жильцов, это второй по величине дом в Ленинграде),²⁵ они стали вспоминать своих знакомых, которые якобы живут там. Мне было весело, я смеялась от всего сердца. На другой день я о них и не вспомнила и позвала нескольких своих приятелей. Сергей и Донат Д<нрзб.> уже были там. Оба были очень хорошо одеты: у Доната было прекрасное меховое пальто. Сергей, директор нового театра, каждый год ездит за границу, всегда изысканно элегантен. И вдруг Дуся заявляет, смеясь: «Эрика, тут банда мальчишек, которые ждут тебя, но не хотят войти». Я пошла и увидела одного, другие исчезли. Я пригласила его войти, у него был такой смущенный вид, я его очень церемонно представила Сергею и Донату как очень хорошего товарища. Они уже привыкли к моим выходкам и ограничились лукавыми улыбками.

Мальчик мне сказал, что товарищи ждут его внизу, я пошла за ними. Их было шестеро. Они все поднялись в квартиру. Я хохотала до слез. Когда они к нам пришли, никто ничего не понимал. Я усадила их в своей комнате, было забавно, как они уселись посредине в ряд, как школьники. Они смущались, но старались не показывать виду. Они толкались, смеялись. Я сидела на кровати и смотрела на них. Они посидели десять минут и сбежали. Я не могла пойти на каток.

Потом пришла Лиза, и мы поиграли в пинг-понг. Мы вышли, заходили по дороге к друзьям (<в те дома на каждой улице, где жило больше всего друзей>). Мне было так весело, как давно не было. Я даже забыла Москву. Всюду меня приглашали танцевать, и я танцевала и смеялась. Дважды мы с Сергеем танцевали на сцене. Боже, совсем другая жизнь была там. Хочу написать Сергею и Донату. Они были так милы, хотя и были актерами. Особенно Донат, который был

очень известен и востребован, но со мной они были как дети. Я один раз видела Доната на сцене. Он танцевал кавказские танцы,²⁶ у женщин он имел бешеный успех. Они хлопали в ладоши. Когда он закончил танцевать, мы сразу же ушли из театра. Он был очень чувствителен, очень романтичен. Он первым делом спросил меня, понравился ли он мне, его это очень волновало. Я сказала «да», потом он повел меня любоваться Невою, красотой природы и начал петь. По актерской привычке он называл меня «Эрика, мой ангел», Сергей – «золотая», «золото» и Николай Николаевич «Пупсик».

<нрзб.>, le 21 juin 1929

Le 30 je suis renvoyée du C.de Z. Et je n'ai pas encore reçu mon visa pour la France. Je serai heureuse de pouvoir partir et surtout quitter Willy. J'aimerais et je n'aimerais pas car je l'aime et je m'ennuierai mais je ne peux supporter les rapports que j'ai avec lui: Moralement j'en souffre et jamais, jamais plus je ne coucherai avec personne, et que je suis contente de n'être pas marié<e>: Je préfère être pauvre aussi pauvre qu'on puisse l'être mais plus avoir aucun rapport. Ce qui s'est passé hier m'a laissé une profonde impression et je n'oublierai jamais. J'ai plutôt de la pitié que du dégoût [dégoût]. Cet acte était si bas si ignoble, Willy est fou<,> plus fou que moi mais après tout ce que les gens sont bêtes si peu intelligent. Est ce que cette femme est venue hier espérant me fâcher et par curiosité, est ce que je me serais fâchée pourquoi, au contraire j'ai été gentille. J'ai été me promener au bord du lac mais j'ai pleuré j'avais mal<.> Des types sont venus pour me parler. Un m'appelant [appela] <<>chérie dis moi ce que tu as<>><.> Je me suis levée et lui ai répondu que s'il m'adressait encore la parole il recevrait une giffle alors il a décidé que j'étais bête. Je voulais rentrer<,> un autre me suivait avec un parapluie, ça m'a frappé<,> c'était si bête<,> il tourne autour de moi<.> J'ai dit la première <<>Que voulez vous[?] n'essayez pas de m'approcher<>> il me regardait et ne savait qu'elle [quelle] contenance prendre. Je me suis énervée <Idiot continuez votre chemin, comprenez<->vous ou non<?>> J'ai vu qu'il avait les pieds visés [vissés] à la terre. Je suis rentrée c'est si dégoûtant [dégoûtant] d'être dans la rue<,> tous ces les hommes qui rôdent je ne sais pourquoi vers 2h. du matin. Des véritables [véritables] animaux. Est ce que vraiment l'en deux peut penser [Est-ce que vraiment l'un d'eux peut penser] que j'irai avec lui que déjà je lui tomberai dans les bras<.> Xa xa xa<.> Pourtant je suis si grosse encore si jeune j'aimerais à aller au cours<.> Là il y a un jeune russe et nous nous disputons tout le temps et on a dit un mot comme

tous les deux commençons à rire comme des fous<,> il y a deux italiens<,> un est gai<,> très gai. Je me fiche toujours de lui car il parle ainsi «<нрзб.>» et avec eux je me sens si gaie.

J'ai dit que j'étais fiancée et ils se tiennent très bien avec moi : Ils m'aiment tous. Je me sens libre je ne me gêne pas. Sur la plage nous ne faisons que des bêtises et toute l'après midi [tout l'après-midi] c'est un fou rire mais hier j'étais triste. Je sentais qu'il y aurait quelque chose et maintenant je ne pourrai plus être gaie.

Cette femme je l'ai revue ce matin<,> J'allais chercher une chambre et comme je parle mal l'Allemand la femme a appelé une de ses pensionnaires et c'était elle<,> Je suis partie.

Willy va bientôt venir<,> Je l'aime<,> Cette nuit il dormait je l'embrassais<,> Je l'aime je l'aime vraiment<,> Je ne peux exprimer mon amour mais c'est le véritable et pour toujours. Je n'ai pas aimé Эмма c'était un coup de tête du <hypnose > plus tôt [plutôt]. Là ma mère avait raison, mais qu'elle différence [quelle différence] avec Willy. Avec l'autre lorsque j'étais à Leningrad je pouvais embrasser des autres hommes. Mais maintenant je sens que je ne pourrai plus<,> Je l'aime et jamais une autre femme ne l'aimera du même amour que moi: J'aimerais qu'il soit déjà là. Je l'embrasserai, il a l'air si malheureux. Esc ce que c'est par ma faute qu'il souffre? Peut-<->être que oui. Si je <нрзб.> je<,> souffrirai et alors pourquoi ne pas me tuer. A Paris je sais ça sera la misère alors pourquoi vivre. Que faire

ПЕРЕВОД:

<нрзб.>, 21 июня 1929

30-го меня высылают из к<антона> <?> Ц<юрих>. А я еще не получила визу во Францию. Буду счастлива уехать, главное, покинуть Вилли. Хотелось бы и не хотелось бы, потому что я его люблю и буду скучать, но не могу выносить наши отношения. Морально я от этого страдаю и никогда, никогда больше не буду иметь связь ни с кем, я рада, что я не замужем. Предпочитаю быть бедной, самой бедной, но не иметь никаких отношений. То, что произошло вчера, произвело на меня глубокое впечатление, я никогда не забуду. Я испытываю скорее жалость, чем отвращение. Это было так низко, так подло, Вилли сумасшедший, более сумасшедший, чем я, но, в конечном счете, как люди вздорны, как мало умны. Что, эта женщина пришла вчера в надежде разозлить меня и из любопытства, зачем бы мне злиться, напротив, я была любезна. Я пошла прогуляться на берег озера, но я плакала, мне было плохо. Какие-то типы подошли ко мне. Один спросил меня: «До-

рогая, скажи, что с тобой». Я поднялась и ответила ему, что если он еще слово мне скажет, получит пощечину, он решил, что я дура. Я хотела вернуться домой, другой пошел за мной с зонтиком, это изумило меня, это было так глупо, он крутился вокруг. Я сказала первая: «Чего вы хотите? Не подходите ко мне», он смотрел на меня и не знал, как себя вести. Я пришла в раздражение: «Идиот, идите своей дорогой, понимаете вы, или нет». Он как к земле прирос. Я вернулась к себе, отвратительно быть на улице, мужчины рыщут, не знаю зачем, в 2 ч. ночи. Настоящие животные. Неужели кто-то из них может подумать, что я пойду с ним, брошусь в его объятия. Ха ха ха. Однако я еще такая девчонка, я так молода, мне бы хотелось ходить на занятия. Там есть один молодой русский, мы с ним все время спорим, от одного слова начинаем хохотать как сумасшедшие; есть два итальянца, один – веселый, очень веселый. Мне на него наплевать, он говорит <нрзб.>, и с ними мне так весело.

Я сказала, что я обручена, и они очень хорошо себя держат со мной: они все меня любят. Я чувствую себя свободной, непринужденной. На пляже мы занимаемся одними глупостями, а всю вторую половину дня хохочем как безумные, но вчера мне было грустно. Я чувствовала, что что-то произойдет, и я больше не смогу быть веселой.

Эта женщина, я ее снова увидела сегодня утром, я искала комнату, а так как я плохо говорю по-немецки, горничная позвала одну из пансионеров, и это оказалась она. Я ушла.

Вилли скоро придет. Я люблю его. Этой ночью он спал, а я его целовала. Я люблю его, я действительно люблю его. Не могу выразить свою любовь, но она настоящая и навсегда. Я не любила Эмму, это был безрассудный поступок, скорее гипноз. Мать была права, но сейчас все по-другому, с Вилли по-другому. С другим, когда я была в Ленинграде, я могла целовать других мужчин. Но теперь я чувствую, что больше не смогу. Я люблю его, и никогда другая женщина не сможет любить его так, как я. Я хотела бы, чтобы он наконец пришел. Я поцелую его, у него такой несчастный вид. Он страдает по моей вине? Может быть, да. Если я <нрзб.>, я буду страдать, и тогда почему не покончить с собой. В Париже, я знаю, будет страдание, и тогда зачем жить. Что делать?

Bâle, le 9 juillet 1929

Il y a longtemps que je n'est repris [n'ai repris] mon journal et il c'est passé [s'est passé] tant de choses un cauchemar [ПЕРЕВОД: Давно я не вела дневник, а столько всего произошло, кошмар] «и жизнь прошла». Игорь был прав, когда мне сказал это<.>²⁷ J'ai passé deux semaines dans

une maison de fou et je savais qu'un jour viendra où je devrai être enfermée étant normale. Mon Dieu<, > les jours que j'ai passé<s><, > je tremble<.> Je n'ai plus Willy tout est finit, finit [fini, fini] je ne l'ai pas revu il est à Zürich et moi dans le train pour la Russie j'ai mal j'aimerais mourir. Cette idée est très forte c'est une idée fixe. Проклятие.²⁸ J'écrirai plus tard tout ce que j'ai supporté<.> Un ange noir sinistre plâne sur moi<.> Plus tôt [plutôt] il est dans moi et je souffre, et maintenant plus rien seulement devant moi la douleur, la tristesse<, > le cruel souvenir<.> Ce que j'ai lutté pour garder Willy<, > tout ce que j'ai supporté et rien rien le bonheur n'existe pas, Que faire<, > que croire<.> Mais j'ai passé des moments très heureux avec Willy<.> Ce que je l'ai aimé<.> J'aimais être dans ses bras j'aimais l'embrasser et toutes ces souffrances ont donné une force inouïe à mon amour. Je frissonne les jours atroces de desespoir que j'ai passé<s> lorsque Willy était fâché<, > c'était la mort et comme je l'aimais et pourquoi? pour souffrir continuellement. Demain il sera comme fou en apprenant que je suis déjà partie et je ne peux supporter l'idée qu'il souffre. Willy<, > Willy<, > chéri<, > je t'aime<, > j'ai mal à la tête<, > tout tourne<, > c'est fou<.>

ПЕРЕВОД:

Базель, 9 июля 1929

Две недели я провела в сумасшедшем доме²⁹ и я знала, что наступит день, когда меня посадят под замок, хотя я – нормальная. Боже мой, прожитые дни, я дрожу.

У меня больше нет Вилли, все кончено, кончено, я так его и не увидела. Он в Цюрихе, а я – в поезде, идущем в Россию. Мне плохо, я бы хотела умереть. Это неодолимая идея, навязчивая идея. Проклятие. Я потом напишу, что мне пришлось вынести. Черный зловещий ангел парит надо мной. Вернее, он внутри меня, и я страдаю. И ничего больше впереди – горе, тоска, жестокие воспоминания. Как я боролась за Вилли, чего я только не претерпела, и ничего, ничего. Счастья нет, что делать, во что верить. Но я прожила счастливейшие минуты с Вилли, как я любила его, я любила быть в его объятьях, я любила целовать его, и все эти страдания придавали неслыханную силу моей любви. Я содрогаюсь, ужасные дни отчаяния, когда Вилли сердился, это была смерть, а как я его любила и для чего? Для вечных страданий. Завтра он обезумеет, когда узнает, что я уехала, а мне невыносима мысль о его страданиях. Вилли, Вилли, дорогой, я люблю тебя, у меня болит голова, все кружится, это безумие.

Berlin, le 10 juillet

Berlin, Berlin<,> je l'aimais mais aujourd'hui je suis dégoutée [dégoûtée]. J'ai fait bon voyage, la sœur est très gentille<,> Des moments je ne pense pas à Willy<,> je ne veux pas y penser c'est si triste, si triste. J'ai prévu de passer par Riga<,> Ce que je déteste cette ville des pénibles souvenirs. Ce soir je voulais mourir jamais cette idée me quittera. Lorsque je pense à W.<,> comme il doit être malheureux maintenant<!> J'ai mal<,> j'étouffe<,> j'aimerais l'embrasser. J'aimerais croire en Dieu est prié [et prier] pourquoi ne puis[-]je pas croire, croire dans quoi<,> pas même dans soi. L'homme est si petit<,> si misérable<,> si lâche, hypocrite et il faut vivre et pourquoi être enfermé si l'on veut se tuer, j'ai mal au coeur<,> qu'est ce qui m'attend encore<?>

Depuis 2–3 jours je pense à des choses qui avant m'auraient épouvanté [épouvantée] et j'aurais dit non mais maintenant si simple «me faire prostituée»<,> Quel mal y a-t-il<?>

ПЕРЕВОД:

Берлин, 10 июля

Берлин, Берлин нравился мне, но сегодня я чувствую отвращение. Я хорошо доехала, сестра³⁰ очень мила. Иногда я не думаю о Вилли, не хочу о нем думать, это так грустно, так грустно. Я думала проехать через Ригу. Как я ненавижу этот город мучительных воспоминаний. Сегодня вечером я хотела умереть, никогда эта мысль меня не оставит. Я думаю о В., как он должен быть несчастен теперь! Мне плохо, я задыхаюсь, я хотела бы его обнять. Я хотела бы верить в Бога и молиться. Почему я не могу верить, во что верить, нет даже веры в себя. Человек так мелок, так жалок, так подл, лицемерен, а надо жить, и почему надо быть в заточении, если хочешь покончить с собой, я испытываю тошноту,³¹ что еще ждет меня?

Вот уже 2–3 дня я думаю о вещах, которые прежде ужаснули бы меня и мой ответ был бы «нет», а теперь так просто «стать проституткой», какое в этом зло?³²

¹ Морж (Morges) – город в Швейцарии на берегу Женевского озера.

² Эрика уехала в Швейцарию учиться по путевке Наркомпроса. Весной 1928 г. она закончила в Ленинграде курс девятилетки. Малых, опасаясь за ее здоровье, как бы у нее не развился туберкулез (И. А. Эдельман умер от чахотки), и желая поощрить ее, договорилась о такой возможности с А. В. Луначарским.

³ Скорее всего, речь идет о швейцарском военно-стрелковом обществе La jeune Helvétie.

⁴ Слово написано по-русски.

⁵ Эрика остановилась у своего бывшего опекуна, г-на Вишу, в семье которого воспитывалась с 3 до 15 лет, однако изменившиеся за время ее отсутствия обстоятельства (развод бывших приемных родителей после того, как дети Малых уехали в Россию) и неожиданное увлечение г-на Вишу Эрикой, его домогательства заставили ее искать новое жилье.

⁶ Эрика училась на подготовительных курсах, для поступления в швейцарский университет ей нужно было повторно сдавать экзамены по программе средней школы, а также занималась на курсах стенографии.

⁷ Эрика познакомилась с Эммой Сигаловой (псевд. – Сигал) в Москве летом 1928 г. Эмма был племянником Доры Вульфовой Боммер (работала секретарем в Финансовом издательстве Наркомфина СССР, жила по адресу Докучаев пер., 12, кв. 3). Узнав о возникших отношениях, М. Малых настояла на браке. Он был заключен перед отъездом Эрики на учебу в Швейцарию и расторгнут в октябре 1929 г.

⁸ *Вилли Люзи* – сын фабриканта часов. Их с Эрикой знакомство произошло в Лозанне, на подготовительных курсах.

⁹ Речь идет об угрозах со стороны г-на Вишу.

¹⁰ Ср. с прозаическим фрагментом, написанным М. Малых в январе того же года. Возможно, М. Малых послала отрывок из этой зарисовки в письме к дочери.

«27 / 1 – 29 г.

Нет сна... Не могу читать...

Комната залита лунным светом. В моей комнате огромное тройное окно, почти во всю стену, и кажется, что и луна, и небо вот здесь у меня, захватили меня всю, опутали и мне негде укрыться от них.

Если бы окно было маленькое, я завесила бы его черным одеялом и отодвинула бы от себя и это звездное небо, и эту жуткую луну.

Мне страшно теперь смотреть на небо, ночное лунное или звездное небо, страшно чувствовать его.

Прежде, особенно в юности, оно манило, притягивало к себе чем-то сказочно-чарующим, заманчиво-мечтательным. Сколько грез вызывало оно, сколько радужных надежд, как влекло, охваченную святым экстазом, душу туда к себе – в высь! <...>

28 / 1

Скоро четыре года – в мае – как умер Иосиф, и с тех пор чувство смерти вошло в меня, наполнило меня. <...>

Я ловлю себя всегда теперь на этих ощущениях: я люблю мою комнату – большая, с крупнейшим окном, со стенами, уставленными полками книг до потолка, с картинами, подобранными по настроению: большое полотно – русская девушка в старорусском стиле, в сарафане и красном платочке. <...> И эта девушка, такая печальная, такая прекрасная для меня как эмблема нашей бедной скорбной современной> Руси. Над столом у меня и возле кровати две картины – розы. Их красота дает какую-то крупную радость, ласкает глаз. В промежутках между книжными полками несколько пейзажей: зимнее снежное поле на опушке леса в яркий солнечный день; лето – зеленый веселый кудрявый лесок. Так манит в такой летний день под тень этих кустов с книгой в руках.

Над моим рабочим столом портреты любимых гениев-мыслителей: Христос на кресте – символ величайшей этики и альтруизма; Спиноза, Маркс, Геккель<ь>, Плеханов и Иосиф, синтезирующий их. <...>

Я люблю свою пролетарско-богемскую комнату. Комната, в которой ты живешь, отражает твою сущность, твой дух. Я возненавидела бы комнату, богато убранную

“гарнитуром” мебели, заставленную общепринятыми безделушками, украшениями, – как это вообще бывает у приличных настоящих людей, – если бы меня заставили жить в ней. Я могу просидеть час-два в гостях в такой нарядной-аккуратной-чинно-бездушной комнате, но и то через два часа мне опротивят и шелковая мебель, и парадный письменный стол, и настоящая кабинетная кожаная мебель, и зеркала, и бархатные скатерки. <...>

Я вспоминаю часто комнату Л. Н. Толстого. Как поразила она меня, когда я вошла к нему. Убогая обстановка, скромная кровать с каким-то жалким одеялишком, тут же ночной горшок, даже не вылитый с ночи (я приехала утром), на стуле тулуп мужицкий, валенки в углу, какие-то другие носильные вещи разбросаны возле кровати. Но там в глубине комнаты стол, заваленный бумагами, книгами; книги на ночном столике, на полках, на стульях, на окне.

И сразу вокруг стало так ясно, так понятно: всё остальное пустяки, мелочь – тут царство мысли и духа.

И чувствовалось всем существом, что всё окружающее, весь воздух этой скромной тоже пролетарско-богемской комнаты, напоен, насыщен этими мыслями, этим духом. И всё сливалось с Львом Николаевичем во что-то единое-цельное. <...>

Гегелевская триада. Детство – юность – эмоциональная радость жизни; взрослость – интеллект; и мудрость старости конца – вновь эмоциональная радость жизни, нирвана. <...> (*Малых М.* Записки к воспоминаниям за 1929 г. // ЦГАИПД СПб., ф. 8921, оп. 1, ед. хр. 160, л. 1, 2 об.–5, 7. Рукопись. Перьевая ручка, тетрадные листы в линейку, вшиты в подборку листов разного размера и разного времени записи). Упомянутое в тексте М. Малых посещение Ясной Поляны состоялось в 1904 г., когда она поехала к Л. Н. Толстому за советом, крестить ли ей сына Бориса. *Иосиф* – Иосиф Александрович Эдельман, муж М. Малых, умер в мае 1925 г.

¹¹ Перед этой записью пустая страница.

¹² В рукописи, скорее всего, ошибочно указано «17 juin» – 17 июня. Соседние записи датированы маем.

¹³ Кто имеется в виду, установить не удалось. По записям М. Малых, летом 1925 г. к ней в Ленинград приехал брат Сергей со всей семьей: женой Еленой Сергеевной, детьми Люсей, Вaley, Колей; осенью того же года – сестра Вера с сыном Шурой (ЦГАИПД СПб., ф. 8921, оп. 1, ед.хр. 282). По воспоминаниям Валентины Малых, они приехали в июне 1926 г., Мария Александровна пригласила к себе сестру и брата после смерти мужа, чтобы избежать уплотнения.

¹⁴ Опера Рихарда Вагнера «Нюрнбергские мейстерзингеры». Первая постановка – 21 июня 1868 г. в Мюнхене. В 1929 г. опера была поставлена Лотаром Валлерштейном (Lothar Wallerstein) в Венской государственной опере; Германом Мерцем (Hermann Merz) на сцене «Лесной оперы» на Вагнеровском фестивале в Сопоте. В тот же год – И. М. Лапицким в Гос. акад. Большом театре, в Москве («Нюрнбергские мастера пения»). В чьем именно исполнении слушала оперу Эрика, установить не удалось.

¹⁵ Ой – возможны два значения: «где», «возможно» (*Примеч. И. В. Потановой*).

¹⁶ См. сноску 15.

¹⁷ *Тьер Луи Адольф* (1797– 1877) – французский полит. деятель и историк. М. Малых рекомендовала своим детям книги, на которых она сама воспитывалась, в том числе очерки о великих людях, – С. Смайльса, Л. Колэ и Евг. Мюллера, выходившие многими изданиями, в том числе: *Смайльс С.* 1) Саморазвитие умственное, нравственное и практическое (Self-help) с дополнительной статьей «русские деятели» / Пер.

с англ. и дополнения В. Вольфсона. СПб.: В. И. Губинский, 1895; 2) Долг (Duty) / Пер. с англ. Н. Надеждина. СПб.; М.: Т-во М. О. Вольф, [1904]; 3) Характер / Пер. с англ. Н. Страхова. СПб.; М.: Т-во М. О. Вольф, 1873; *Колэ Л.* Детство и юность великих людей / Пер. С. Майковой. СПб.: В. И. Губинский, ценз. 1894; *Мюллер Евг.* Юность знаменитых людей / Пер. с фр. под ред. В. Д. Владимиров. СПб.: В. И. Губинский, ценз. 1896.

¹⁸ *Женя* – возможно, имеется в виду сын сестры М. Малых Веры Александровны.

¹⁹ Опера Джузеппе Верди «Травиата» по пьесе А. Дюма-сына «Дама с камелиями», первая постановка – Венеция, 1853 г. Эрика могла слушать оперу в Ленинградском акад. малом оперном театре (постановка Н. В. Смолича). Премьера там состоялась 13 янв. 1922 г. В период 1925–1929 гг. спектакли шли регулярно.

²⁰ Скорее всего, речь идет о Сергее (Львовиче) Цимбале, познакомившемся с Эрикой через А. Разумовского и увлеченном ею в то время.

²¹ Достоевский был любимым писателем М. Малых. Чтение Достоевского ощутимо и в предыдущих записях дневника (от 10 мая 1929 г. и др. о страдании). Возможно, столь сильное влияние писателя на дочь заставило Малых в дальнейшем дать внучке Тане (дочери Эрики) следующий совет: «Есть величайшие произведения, такие как Достоевский. Достоевский один из тех, кто “создал” меня. И все-таки мне не надо было читать его так рано, как читала его я, и не надо было отравлять свою душу, так изранив ее, я должна была прочесть его позже. И ты его сейчас тоже не читай – прочти его потом, через несколько лет» (Из письма М. Малых к Т. Постреловой от 1 марта 1945 г. Домашний архив М. Малых).

²² Отсылка к «Песне о Буревестнике» М. Горького. М. Малых гордилась тем, что ей удалось издать «Песню о Соколе» и «Песню о Буревестнике» в серии общедоступной литературы (СПб.: М. Малых, ценз. 1902. [Рига?], 1902. Серия «Современная библиотека». № 14). Об истории этого ее издания см.: *Блинов А. С. Пострелова Т. А.* Мария Малых. Л., 1976. С. 71–73, 82–83.

²³ Эти два предложения написаны по-русски. Скорее всего, в Швейцарии Эрика слышала Хор донских казаков Сергея Жарова, в то время активно гастролировавший по Европе.

²⁴ Дусей звали домработницу М. Малых. Также это могла быть жена Алека (Александра) Малых, брата Эрики.

²⁵ Квартира М. Малых, где жила Эрика в Ленинграде, располагалась по адресу: ул. Старорусская, д. 5/3. Дом расположен на углу с ул. Новгородской. Архитектор – И. И. Яковлев, б. доходный дом купца 1-й гильдии М. Н. Полежаева, в стиле модерн, построен в 1913–1915 гг.

²⁶ Можно только предположить, что речь идет о круге общения Сергея Цимбала, в который в те годы входили не только обэриуты, но и участники других театральных коллективов, таких как «Театр-Клуб» (реж. Ю. С. Юрский), «Ленинградский Экспериментальный театр» (с 1930 г. – «Этнографический театр», рук. В. Н. Всеволодский-Гернгросс, в постановках принимали участие студенты Государственного института истории искусств, а также национальные самодеятельные кружки), с последним Цимбал сотрудничал в том числе как руководитель театра Института народов Севера. Среди программ Этнографического театра была и постановка, посвященная Кавказу, состоявшая из отдельных номеров, песен, танцев, сценок, знакомивших зрителей с искусством и бытом народностей Закавказья.

²⁷ Это предложение написано по-русски.

²⁸ Слово написано по-русски.

²⁹ Эрика вскрыла себе вены, ее отправили в психиатрическую клинику Burgholzli (Цюрихского университета), где она пробыла около месяца. По записям М. Малых, отец Вилли, который был против брака сына и Эрики, и г-н Вишу воспользовались этой ситуацией и обманом разлучили молодых людей. Чтобы помешать им обвенчаться, Эрику выписали раньше указанного ранее времени, прямо из больницы отвезли на вокзал и принудительно отправили в Берлин, где сопровождавшая ее сестра милосердия купила ей билет до Ленинграда и усадила в поезд.

³⁰ Эрику до Берлина сопровождала сестра милосердия.

³¹ В рукописи: «J'ai mal au cœur». Дословно: «меня тошнит, я испытываю тошноту». Возможно, автор дневника имел в виду выражение «у меня болит сердце, я страдаю, мне плохо», но неверно использовал конструкцию «avoir mal à...» (*Примеч. И. В. Потановой*).

³² Возможна аллюзия на повесть М. Малых «Письма женщин<ы>» (б. д., не опубликована. Машинописный экземпляр с правкой, 46 л., подписанный псевд. Мария Неверова, хранится в ЦГАИПД СПб., ф. 8921, оп. 1, ед. хр. 136), созданную под впечатлением идей П. Лафарга и «Крейцеровой сонаты» Л. Толстого. Главная тема повести – право женщины на свободную любовь; в основе сюжета – измена мужу и продажа себя как ответ на его ревность и неуважение, своего рода «принесение себя в жертву», мотивированное отчаянием.

В издательстве М. Малых вышло несколько книг, рассматривающих вопросы равноправия женщин и причины проституции. Так, в серии «Современная научно-образовательная библиотека» (№ 16–17) была издана работа П. Лафарга «Супружеская неверность в прошлом и настоящем» (пер. Н. Замятина. СПб.: Тип. т-ва «Общественная Польза», 1904), в которой был предпринят исторический обзор форм брака и взглядов на супружескую измену от первобытной семьи до христианской Европы, выдвигался тезис о том, что в век, когда «экономические условия становятся все более одинаковыми для мужчины и женщины», должно произойти изменение «общественного положения» женщины» (С. 55). В этой же серии (№ 26) вышла и брошюра д-ра Альфреда Блашко «Проституция начала XX века» (пер. Горфинкеля. СПб.: Тип. т-ва «Общественная Польза», 1904), автор которой называл причиной, вызывающей проституцию, – спрос. В работе звучал вывод о том, что изменить ситуацию может увеличение благосостояния народа, а также «улучш<ение> экономическо<го> и правового< положения> женщины» (С. 45).